

Международная литературно-публицистическая газета. №2 (4), Весна 2012 г. <http://provintelligent.ru>

Газета выходит ежеквартально. Контакты для участия и сотрудничества указаны в выходных данных в конце газеты.

ФЕНОМЕНЫ

В Мельбурне прошла презентация медийного проекта «Интеллигент»

В воскресенье, 25 марта 2012г. в Общественном Центре на улице Инкерман литобъединением «Лукоморье» была проведена презентация медийного проекта «Интеллигент». Это район Мельбурна, где поселяются, особенно на первых порах, русскоязычные выходцы из бывшего Советского Союза. Для многих из них Русский язык и Русская культура являются неискоренимой частью их самосознания. Как бы не сложилась их жизнь, они сохраняют глубокую привязанность и интерес к своей бывшей Родине. К этому следует добавить еще и то, что несмотря на появление активного второго языка в их жизни, для большинства из них именно русский язык остается единственным средством для активного самовыражения. И это символично, также, как и то, что названия улиц в этом городе, как Инкерман, Одесса, Крым, Балаклава связаны вовсе не с ностальгическими переживаниями бывших подданных Российской Империи или Страны Советов, а с памятью о тех австралийских солдатах, что состояли в Английском экспедиционном корпусе в Крымской кампании 1854-56 года и сложили там головы.

В программе презентации было доведено обращение учредителя медийного проекта, Сергея Пашкова к членам литобъединения «Лукоморье»:

«Обычно, известные эмигранты из России проявляли себя в США, в Европе и в Азии. Редко, но были они и в Южной Америке, и даже в Африке. Но вот о русских знаменитостях из Австралии мне стало известно только недавно. Да и то это был профессиональный боксер Константин Дзю. (Мы с ним даже из одного города Серова). Поступившее предложение от Зиновия Коровина, представляющего клуб поэтов города Нью-Йорка (США), познакомиться с интересной группой русскоязычных авторов из Мельбурна (Австралия), меня сильно заинтриговало. Тем более, что главным редактором издания «Интеллигент» Санкт-Петербург является Наташа Крофтс - жительница Австралии. Наташа, правда, из города Сиднея.

Честно говоря, я был даже обескуражен тем, что в Австралии есть це-

лые группы русскоязычных писателей. Ранее о литературных знаменитостях, русского так сказать «разлива» в Австралии, мне слышать не приходилось. Потому-то Наташу Крофтс я сразу же оценил не только как прекрасного австралийско-русского писателя, но и как феномен такого явления в Австралии в целом. И вот те раз, оказывается, не только в Сиднее есть группа русскоязычных писателей, но и в Мельбурне, притом с прекрасным литературным названием «Лукоморье»!

Наш проект в некотором роде, тоже «ФЕНОМЕН»! Издания медийной группы «Интеллигент» реально организуют международные течения русской словесности. Например, от одного этапа «ПИ 1» до проекта медийной группы из трех международных изданий, а также и журнала «Интеллигент» (избранное). Рост уровня материалов и самих изданий постоянно растет, невзирая на то, что наш проект не коммерческий, но он и не государственный, в смысле его поддержки и курирования, что имеет место. Проект медийной группы изданий «Интеллигент» делают на добровольной основе, но на лучшем уже уровне, чем прежние этапы проекта «ПИ 1». Так, издания нашей группы все больше заинтересовывают организаторов конкурсов. Именно наши издания заносят в ранг тех, кто будет освещать эти конкурсы. С нами все больше же-

лают сотрудничать различные литературные организации и издания. Солидные и уже заслуженные авторы готовы становиться нашими представителями. Мы рады принять всех. Но, наряду с этим, желаем вести отношения, только как равноправные партнёры без религиозных, национальных, политических

и прочих их приоритетов или их позиций. Конечно же, нашей основной задачей является приостановить процесс упадка интереса к русской словесности, который происходит по всему миру и в самой России тоже. На своих печатных и электронных площадях мы предоставляем различное творчество русскоязычных авторов со всего мира. Давно известно, что даже начинающие писатели и поэты, входя в различные свои объединения, не хотят находиться в своем замкнутом пространстве или «изолкой в стоге сена» - интернета.

Разумные авторы, конечно же, хотят иметь реальную циркулирующую сопричастность с авторами по всему миру. Осуществить их мечты и желания помогаем мы - редакционный коллектив издания «Интеллигент» уже на новом этапе своего проекта, т.е. медийного положения.

Мы - это я, Сергей Пашков, - учредитель медийной группы изданий «Интеллигент» (Москва, Санкт-Петербург, Нью-Йорк) и журнала «Интеллигент» (избранное). У журнала есть еще один учредитель, это - Сергей Лебедев. Главные редакторы изданий: Наташа Крофтс и Дина Лебедева, заместитель главных редакторов Вячеслав Барыбов, художественный редактор Наталья Гордеева а также редакционный совет в составе: Светлана Савицкой, Нины Болюшаковой и Андрея Сунгурова. В команду входят так же и представители наших изданий по всему миру. Я очень надеюсь на то, что, представляя, пусть каждый сам по себе факт феномена, но уже постоянно сотрудничая друг с другом, мы положим начало реальной истории интересного литературного фактора в

Австралии. Заслужим действительно доброе отношение к нашему проекту пусть не в Карелии и не в городе Костомукше, где возник такой ФЕНОМЕН, как медийная группа международных изданий «Интеллигент», а у ФЕНОМЕНАЛЬНЫХ австралийских писателей! Для нашего сотрудничества мы уже обычное явление, но как реальный ФЕНОМЕН, мы для некоторых еще не открыты! Пусть же это сотрудничество и положит для многих известность таких проектов!

Два номера «Интеллигента»: в Нью-Йорке и в Санкт-Петербурге, в которых были опубликованы поэтические подборки авторов литобъединения «Лукоморье», представил участникам президент литобъединения, поэт и прозаик Залман Шмейлин. Выступающими был отмечен высокий профессиональный уровень материалов, размещенных в газете «Интеллигент», среди которых встречаются имена, уже получившие широкую международную известность.

С чтением своих стихов выступили авторы подборок, поэты: Александр Грозубинский, Наталья Дубровская, Инга Даугавиете, Фаина Зильп, Людмила Рубан и другие. Свои романсы исполнила Мария Пасика. Чувства, понятные всем участникам, выразил поэт Залман Шмейлин:

Здесь совсем не бывает зимы,
Я не знаю – грущу я по снегу,
Или тайным недугом томим,
На прием к своей юности бегаю.

Сколько можно упорствовать, ждать,
Вот опять я в плену у метели
И готов без конца повторять -
«Ничего, ничего не потеряно»,-

По заброшенным стежкам бродить, -
Словно призрак, пугая удачу.
Но без прошлого мне не прожить,
Будь я тысячекратно богаче.

Ломкий сук захрустит под ногой
Всей своей перезрелой ненужностью.
Ты ведь тоже, мой друг дорогой,
Часть моей нерастраченной юности.

Залман ШМЕЙЛИН

Эмигрантская лира в Нью-Йорке

Мельник Александр

Для начала несколько слов о себе. Я – бельгиец русского происхождения, родившийся чуть более полувека назад в украинской семье в Молдавии. Бабушка моя по матери была полькой, из обедневших шляхтичей. Другими словами, я обрусевший украинец, проживший всю свою сознательную жизнь в России, а нынче живущий в Бельгии. По образованию я геодезист. Если быть предельно точным – морской геодезист. До эмиграции в Бельгию (2000 г.) около 20 лет я прожил в Забайкалье, где после московского геодезического института занимался картографированием дна Байкала, а заодно пристрастился к двум вещам – к космической географии и к поэзии.

Что касается первого пристрастия, то в 2010 году, защитив в льежском университете (Бельгия) диссертацию об историко-космических методах управления природными и антропогенными рисками Байкальского региона, я стал доктором наук. Сейчас работаю профессором географии в брюссельском институте радиоэлектроники и кинематографии.

Моё пристрастие к поэзии проявляется двояко. В творческом плане – в виде традиционных публикаций в поэтических сборниках и журналах разных стран. В интернете меня проще всего найти на сайте «Поэзия.ру». В 2010 году вышла в свет моя первая книга стихотворений «Лестница с неба» (под редакцией Бахыта Кенжеева).

В организационном плане оно проявляется в том, что я ежегодно провожу в Бельгии Всемирный поэтический фестиваль «Эмигрантская лира».

Идея этого фестиваля вызревала в моей голове долгих пять лет. Ещё в далёком 2004 г. на популярном тогда сайте «Стихи.ру» я запустил пробный шар – сделал три поэтических обзора по темам, которые стали номинациями нынешнего конкурса:

Эмигрантские стихи о родных географических и культурно-языковых корнях
<http://www.stihi.ru/2004/06/07-531>

Эмигрантские стихи о странах нынешнего проживания
<http://www.stihi.ru/2004/06/21-435>

Эмигрантские стихи об эмиграции и ностальгии
<http://www.stihi.ru/2004/07/26-52>

Результат оказался ошеломляющим. За прошедшие пять лет, безо всякого моего участия, на странички с этими обзорами «эмигрантских» стихов каждый день заходили читатели! Заходят они туда и по сей день. Вряд ли дело в моей скромной персоне... Я недоумевал, но загадка объяснилась, когда «Стихира» ввела в разделе «Читатели» рубрику «Источник», по которой появилась возможность видеть, с какого сайта пришёл каждый читатель. Оказалось, что многие попадали на эти мои обзоры через разные поисковые программы, задавая в них ключевые слова типа «эмигрантская поэзия», «стихи об эмиграции», «стихи о ностальгии» и т.д. Я понял, что эмигрантские стихи востребованы, их ищут и хотят читать. Так появились первые смутные мысли о будущем фестивале...

Первый поэтический фестиваль «Эмигрантская лира» прошёл с 18 по 20 сентября 2009 г. в Брюсселе, второй – с 8 по 10 октября 2010 г. (там же), третий – с 29 сентября по 2 октября 2011 г. в бельгийском Льеже и немецком Кёльне. В рамках фестиваля традиционно проходит финал одноимённого поэтического конкурса, в котором принимают участие поэты, прошедшие «сито» предварительного отбора. В отборочные жюри прошлых лет входили Александр Габриэль и Юлия Резина (США), Татьяна Юфит (Великобритания), Олег Горшков, Владимир Коркин и Александр Асманов (Россия). В жюри финального турнира 2009, 2010 и 2011 гг. участвовали Андрей Грицман, Бахыт Кенжеев, Алексей Цветков и Михаил Этельзон (все - США), Даниил Чкония (Германия), Александр Радашкевич (Франция – Чехия), Александр Мельник (Бельгия), Александр Кабанов и Сергей Шелковий (Украина), Олеся Николаева и Алексей Остудин (Россия). Более подробную информацию о фестивале, об его участниках и победителях можно найти на сайте «Эмигрантская лира» <http://emlira.ucoz.com/>

Параллельно с организацией фестиваля, моя бельгийская ассоциация «Эмигрантская лира» проводит выездные поэтические вечера. Первый из них, «Эмигрантская лира в Москве», прошёл между вторым и третьим фестивалями, 18 февраля 2011 г. в Москве, в Доме русского зарубежья имени Александра Солженицына

http://emlira.ucoz.com/news/v_moskve_prozvuchala_ehmigrantskaja_lira/2011-02-22-87

Второй выездной поэтический вечер, «Эмигрантская лира в Кёльне», был проведён 2 октября 2011 г. в рамках нашего третьего фестиваля

http://emlira.ucoz.com/news/vpechatlenija_o_festivale_ehmigrantskaja_lira_2011/2011-10-04-102 (льежские и кёльнские фотографии тут не разделены).

Третья серия выездных вечеров (два вечера), «Эмигрантская лира в Нью-Йорке», прошла между третьим и четвёртым фестивалями (25 и 27 февраля 2012 г.).

Наконец, четвёртый выездной вечер, «Эмигрантская лира в Париже» планируется провести 26 августа 2012 г. в рамках четвёртого фестиваля «Эмигрантская лира» который состоится в Льеже.

Несколько слов о том, почему наша лира не иммигрантская, а эмигрантская. Каждый из русскоязычных поэтов, живущих за рубежом, является одновременно и эмигрантом, и иммигрантом (если только, конечно, он не родился за рубежом). Разница только в том, по отношению к какой стране определяется этот статус – стране выезда или стране въезда. Это нечто похожее на экспорт и импорт. Эмиграция – выезд, иммиграция – въезд. По отношению к Бельгии я иммигрант, по отношению к России – эмигрант. Но лира-то моя осталась русскоязычной, и стало быть – эмигрантской, а не иммигрантской! Нас всех объединяет единое эмигрантское прошлое и разделяет многообразие сегодняшних иммигрантских реалий. Вот такая словесная эквилибристика.

Теперь расскажу более подробно о нью-йоркских поэтических вечерах. Традиционно в нашем фестивале принимают активное участие поэты американского континента. В 2009 году из 15 финалистов пятеро были из США. Первым победителем первой «Эмигрантской лиры» (в эмигрантских номинациях) и обладателем главного приза фестиваля – «Золотой Манекен Пис» стал Михаил Этельзон из США. В 2010 г. в финале был лишь один американец, но в 2011 г. опять с небольшим отрывом лидировала поэтическая сборная США – 3 поэта. А с учётом двух канадцев и двух членов жюри из Нью-Йорка американский континент был представлен на этом фестивале весьма достойно. Всё это не удивительно, поскольку США, как известно, страна иммигрантов. Это вторая родина Игоря Чиннова, Ивана Елагина, Наума Коржавина и многих других русскоязычных поэтов... Постепенно у меня созрела идея провести серию поэтических вечеров в «Большом яблоке».

21 февраля 2012 года я вылетел из Брюсселя в Нью-Йорк. В небе над Атлантикой написалось стихотворение «В облаках»:

**Зажатый между негром и арабкой,
я в «Боинге» склонился над тетрадкой
с кириллицыным знаком на челе,
прошедшим сквозь таможи и заставы,
невидимым для лётного состава,
но жгущим, как жаровня на угле.**

**Мне нравится в ночи сродни Пегасу
над тучами парить и с каждым часом
всё выше возноситься над землёй,
которая порядком надоела,
поскольку проза жизни то и дело
сбивает с рифмы и грозит сумой.**

**Друзья мои, погрязнувшие в быте,
друг друга этой прозой не губите.
Что толку в нерифмованных словах?
Поэт промолвил: «Света... больше света...»,
а потому - да здравствуют поэты,
витающие вечно в облаках!**

Нью-Йорк, как водится, ошеломил меня своим бешеным ритмом, структурированным порядком и космополитизмом. Я тщательно подготовился к поездке, поэтому успел посмотреть всё то, что запланировал дома. Подробно рассказывать о своих впечатлениях не буду – для этого понадобилось бы несколько дней. Расскажу только кратко, где был и что видел.

Из Newark Airopor на автобусе-экспрессе доехал до большого автовокзала Port Authority на 40-й стрит, в центре Манхэттена. В метро, путая забывшиеся английские слова, спрашиваю одну симпатичную даму, как доехать до нужной мне станции. Она смотрит на меня внимательно и говорит: «А вы по-русски случайно не говорите?». Дальше – больше. Выяснилось, что эта русская женщина живёт со своим мужем в том самом доме, где я остановился у знакомых. Андрей Грицман назвал это «чисто нью-йоркской историей».

Первым делом после перелёта и короткого отдыха я забрался на самый высокий нью-йоркский небоскрёб Empire state building, откуда с 86-го этажа мне открылись потрясающие виды Манхэттена и более отдалённых районов города. С погодой сказочно повезло – светило солнце, и видимость была потрясающей.

Вид с небоскрёба EMPIRE STATE BUILDING.

На этой верхотуре мне подумалось о неразумности идеи поиска в современной русской поэзии «высочайшего» имени, либо же всевозможных поэтических ТОП-10, ТОП-100, и т.д. Поэты – не небоскрёбы, их высоту невозможно выстроить по ранжиру и измерить с точностью до метра хотя бы потому, что эта относительная высота, во-первых, зависит от вкусов самых разных читателей, а во-вторых – от наличия множества поэтических школ и направлений, которые зачастую несравнимы. Для меня поэт N. – истинный небожитель, а для моего соседа он гробокопатель. И кто из нас прав? Ведь критерием истины является не практика, как утверждал Карл Маркс, а скорее Бог. Точнее говоря, Бог и есть сама истина. Пути же Господни неисповедимы. Поэтому и всевозможные фестивали, в том числе и моя «Эмигрантская лира», это всего лишь игры для взрослых, показывающие предпочтения одной небольшой группы поэтов-членов жюри в определённом месте и в такой-то час времени. Но эти игры нужны, поскольку, не имея надёжных критериев «небожительств» поэтов, фестивали помогают осуществлять поиск божественного в поэзии. Во всяком случае, показывают, в каком направлении двигаться.

Побывал я и на часовой экскурсии в ООН, где посидел в зале Генеральной Ассамблеи рядом с местом делегации Российской Федерации. Посмотрел на трибуну, с которой Никита Хрущёв показывал миру «кузькину мать». А вот зал заседаний Совета Безопасности был в это время закрыт. Напротив ООН бурлила возглавляемая буддийскими монахами сидячая акция борцов за независимость Тибета.

Потом я долго бродил по «невралгическому» перекрёстку Нью-Йорка - площади Times Square, расположенной на пересечении Бродвея и Седьмой авеню в промежутке между 42-й и 47-й улицами. Как-никак, это фактический символ Нью-Йорка и всех Соединённых Штатов. Вглядываясь в лица прохожих, пытаюсь отличить туристов от нью-йоркеров – оказалось, что это совсем не очевидно.

С детства меня интриговало выражение «Ну, прямо Бродвей!». И вот я шагаю по Бродвею, самой широкой и длинной улице Нью-Йорка, протянувшейся через весь Манхэттен. Сначала дошёл до русского книжного магазина, где познакомился с хозяйкой Ириной и осмотрел место проведения первого поэтического вечера, а потом, уже вечером, вернулся по тому же Бродвею до ресторана «Русский Самовар», где у меня была назначена встреча с Андреем Грицманом. Именно Андрей помог мне с обоими залами для вечеров.

В один из дней я съездил на пароме до статуи Свободы (в море дул сильнейший ветер), а также побывал в музее иммиграции на острове Ellis-Island. Здесь запал в душу записанный на плёнку рассказ пожилой русской женщины о том, как в начале XX-го века она, будучи маленькой девочкой, вместе со своей семьёй пересекла океан и прибыла на этот остров. Чиновники иммиграционного ведомства обнаружили у её бабушки какое-то пустяковое образование на ногте и запретили ей въезд в США. Больше она свою бабушку не видела.

За время пребывания в Нью-Йорке я посетил впечатляющий Мемориал жертвам терактов 11 сентября 2001 года, Уолл-стрит, Чайна Таун, Маленькую Италию (итальянцев там не обнаружил), Сохо, Центральный парк (где в первую очередь отыскал мемориал памяти Джона Леннона на Земляничных полях и расположенный поблизости дом «Дакота», где Леннон жил последние годы своей жизни и у входа в который он был убит).

Из музеев удалось довольно обстоятельно осмотреть необъятный Метрополитен, музей современного искусства МоМа и Коллекцию Фрика.

В Гринвич Виллидж побывал у трёхэтажного краснокирпичного дома 44 на выходящей прямо к Гудзону улице Мортон. В этом доме, сначала в квартире в полуподвальном этаже, а потом чуть повыше, жил Иосиф Бродский. Мемориальной доски на доме нет. Общеизвестно, что Нью-Йорк - город, в котором Бродский прожил более двух десятилетий, никак не представлен в стихах поэта. Бродский как-то пошутил, что такой город, как Нью-Йорк, мог бы описать супермен, но супермены не пишут стихов.

Мортон стрит, 44. Здесь жил Бродский.

Прогулялся по Бруклинскому мосту и повторил вслед за Маяковским довольно глупую фразу: «Бруклинский мост - да, это вещь!»

Побывал я и на бруклинской улице Пирпонт-стрит у Променада, где Бродский жил в последние годы своей жизни. Умер он в этом доме от инфаркта, прямо на лестнице.

В воскресенье побывал на службе в православном Соборе святителя Николая Чудотворца на 97-й стрит. Поразило то, что в храме яблоку некуда было упасть. Из проповеди священника запомнилась история об одном прихожанине, который вёл очень активную коммерческую жизнь, был постоянно озабочен жизненным успехом, и т.д. А когда он умер и гроб с его телом поставили в храме для отпевания, ни один человек не пришёл с ним проститься...

И конечно же, я не мог пройти мимо Брайтон-Бич – «маленькой России», колоритного места, где издавна селятся русские эмигранты. Признаюсь, был немного обескуражен тем, что вдоль улицы Брайтон проходит периодически грохочущая железнодорожная эстакада. Этакая жизнь под мостом... Но близость океана окупает этот недостаток.

Всё в короткой заметке не перечислишь, я назвал только самое-самое главное – то, что лежит на поверхности. Но есть ещё масса впечатлений более тонкого плана, о которых я здесь не упоминаю потому, что разговор был начат, собственно говоря, не о Нью-Йорке, а о поэзии.

Для чтения своих стихов на нью-йоркские поэтические вечера были приглашены финалисты, члены жюри «Эмигрантской лиры» и некоторые поэты американско-канадской русскоязычной диаспоры.

Свои стихи на вечерах читали 22 поэта из США, а также из Канады, Швеции и Бельгии: Акс Ирина (финалист «Эмигрантской лиры» 2009 г.), Балмына Рита (финалист 2009 г.), Близнацова Инна, Бриф Михаил, Вороненко Галина (финалист 2011 г.), Габриэль Александр (член отборочного жюри

«Эмигрантской лиры-2009», Грицман Андрей (член финального жюри 2010 и 2011 гг.), Долинов Александр, Друк Владимир, Кенжеев Бахыт (член финального жюри 2009 г.), Липес Илья из Канады (финалист 2011 г.), Мазель Михаил, Маркова Римма из Швеции (победительница «Эмигрантской лиры-2011»), Машинская Ирина, Мельник Александр (Бельгия), Островский Семён, Рабинович Михаил, Резник Наталья (финалист «Эмигрантской лиры-2009, 2010, 2011») и победитель «Эмигрантской лиры-2011» в конкурсе поэтов-переводчиков), Рубина Маша (финалист 2009 г. в соавторстве), Штительман Вита из Канады (лонг-лист «Эмигрантской лиры-2011»), Цветков Алексей (член финального жюри 2009 г.) и Этельзон Михаил (победитель «Эмигрантской лиры-2009», член жюри 2011 г.). Большая часть названных поэтов принимала участие в обоих вечерах, некоторые – только в одном.

Песни на стихи современных русских поэтов (А.Цветкова, Б.Кенжеева, А.Кабанова и др.) исполняли нью-йоркские барды Столяров Виктор (в первый вечер) и Аронсон Борис (во второй вечер).

Разница в программе этих двух вечеров была несущественной. На первом вечере был сделан акцент на финалистах фестиваля, а на втором – на выступлениях членов жюри. Во всяком случае, так было задумано. Кенжеев и Цветков читали стихи только на втором вечере.

Первый поэтический вечер, «Эмигрантская лира в Нью-Йорке», прошёл в субботу 25 февраля в помещении Русского книжного магазина № 21 на Пятой авеню. На нём присутствовало около 70 человек. По словам участников вечера, был поставлен абсолютный рекорд посещаемости литературных мероприятий в этом магазине. Я вначале сам не поверил своим подсчётам, потому что мне сказали, что зал магазина вмещает всего 40 человек. Пересчитал – нет, всё верно, 70. Дело в том, что к основному залу примыкает небольшая вестибюль, в котором тоже были поставлены стулья – все они были заняты. Люди сидели также в кабинете хозяйки магазина и в комнате, где был организован скромный фуршет. Кроме того, несколько человек стояли или сидели прямо на полу.

Основной зал русского книжного магазина № 21. Фото И.Шкляра

Во время церемонии открытия первого вечера я передал всем его участникам привет и пожелания творческих успехов от медийной группы изданий «Интеллигент» (Москва, Санкт-Петербург, Нью-Йорк) и журнала «Интеллигент» (избранное), в частности, от учредителей – Сергея Пашкова и Сергея Лебедева, а также от редакционного коллектива в лице Натальи Крофты, Дины Лебедевой и Вячеслава Омского.

Трёх поэтам (Б. Кенжееву, А. Грицману и первому победителю первой «Эмигрантской лиры» М. Этельзону) я вручил небольшие акварели моего хорошего знакомого Николая Мартынова, бельгийца русского происхождения, прадед и тёзка которого имел в своё время несчастье убить Лермонтова на дуэли. Наш современник Николай Мартынов всю свою жизнь прожил в Бельгии. Он сильно страдает из-за этого клише потомка убийцы знаменитого русского поэта. По его рассказам, в одну из его поездок в СССР КГБ оповещало всех, кто с ним общался, о его предке, после чего наши благонадежные граждане это общение тут же прекращали. Поэтому сейчас Николай ведёт довольно закрытый образ жизни.

Вручение Бахыту Кенжееву подарка от Николая Мартынова.

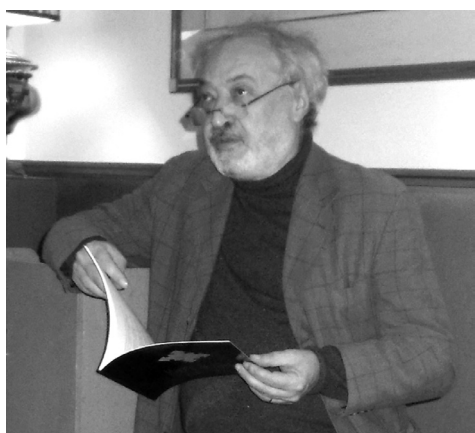
После этого к микрофону ко всеобщему удовольствию собравшихся подошла Поэзия. Звучали стихи – грустные и весёлые, серьёзные и иронические, сложные для восприятия на слух и простые, с эмигрантскими нотками и совершенно без таковых, но все – неизменно великолепные.

Рита Бальмина. Фото И.Шкляра

Андрей Грицман. Фото И.Шкляра

Бахыт Кенжеев. Фото А.Мельника

Римма Маркова (Швеция). Фото И.Шкляра

Ирина Машинская. Фото И.Шкляра

Александр Мельник. Фото И.Шкляра

Всеобщее оживление вызвало выступление Натальи Резник и Маши Рубиной, прочитавших несколько нетленок незабвенного Оси Гамбургского – коллективной мистификации «Эмигрантской лиры-2009» (третьим соавтором является Лариса Подаваленко из Нидерландов).

Вот образец Осиного творчества:

**Я родился в казацкой станице,
На крыльце танцевал гопака.
Мне туда на рассвете девица
Приносила ведро молока.**

**А потом я лежал на полотах,
Попивая с ведра молоко,
И жене под названием Катя
На баяне играл «Сулико».**

**Как привольно мне было, панове,
На моей необъятной Руси,
Где я ботал на ридной на мове,
Где папаху я гордо носил.**

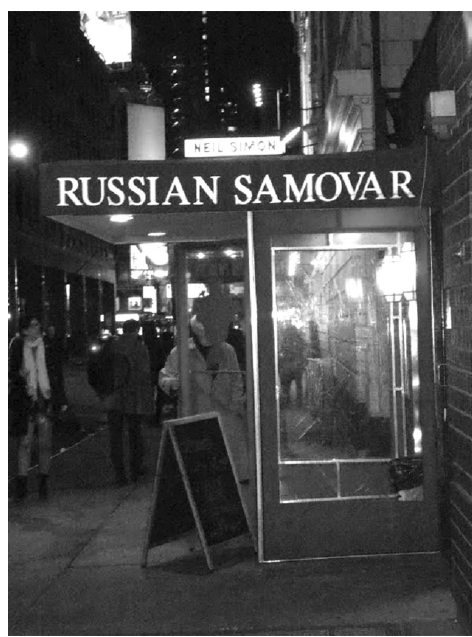
**Где я фартук свиарки любимой
Долго нюхал ночами в степи,
Ожидал урожая озимых
И кумыса не раз перепил.**

**Вспоминаю, родная сторонка,
Все яснее тебя день за днем.
Может статься, босая девчонка
До сих пор меня ждет под плетнем.**

Наталья Резник и Маша Рубина представляют проект «Ося Гамбургский». Фото И.Шкляра

Второй вечер, «Нью-Йоркские члены жюри и друзья «Эмигрантской лиры», состоялся в понедельник 27 февраля на втором этаже знаменитого «Русского Самовара» (на 52-й стрит).

Вход в «Русский Самовар»

Издавна повелось, что это не просто ресторан в общепринятом смысле этого слова, но и своеобразный клуб, в котором постоянно происходят разные интересные события. Выражаясь официальным стилем, ресторан давно стал одним из центров русскоязычной культуры в США. Его владелец – Роман Каплан, а создателями вместе с Романом были Иосиф Бродский и звезда мирового балета Михаил Барышников. На покупку бизнеса пошла часть Нобелевской премии Бродского. Стены ресторана украшены фотографиями, рисунками и автографами побывавших здесь посетителей. В глубине зала фотография И.Б. висит над излюбленным местом поэта.

Войдя в ресторан, я сразу же вспомнил строчки Бродского:

**Зима. Что делать нам в Нью-Йорке?
Он холоднее, чем луна.
Возьмём себе чуть-чуть икорки
и водочки на ароматной корке...
Согреемся у Каплана.**

Во время поэтического вечера в зале постоянно находилось между 50 и 60 человек. Здесь слушать стихи было немного труднее, чем в русском магазине, потому что из ресторана доносились звуки фортепьяно и разгово-

ры посетителей. Кроме того, постоянно кто-нибудь приходил или уходил. В числе гостей была главный редактор «Нового журнала» Марина Адамович. Я поинтересовался, не родственница ли она поэту-акмеиста Георгия Адамовича? Оказалось, что его родственником в третьем поколении является муж Марины.

На вечере присутствовал и сам Роман Каплан. Кстати, в ответ на мой вопрос о перспективах ресторана как центра русскоязычной культуры в США из-за появления нового совладельца Роман заверил, что пока он жив, культурная деятельность ресторана будет продолжаться. Но многие говорят, что новые хозяева эту деятельность свернут. Сам Роман недавно продал большую часть своей доли в «Русском Самоваре». Некоторые участники вечера даже высказывали опасение, что «Эмигрантская лира в Нью-Йорке» – это последнее литературное мероприятие в стенах «Самовара». Хочется надеяться, что это не так.

На вечере в «Русском Самоваре» был один трогательный эпизод, когда поэты русской зарубежной диаспоры поприветствовали поднятием рук своих коллег из поэтической метрополии.

Продолжительность каждого вечера была ограничена тремя часами (два отделения и небольшой перерыв). Чтобы никого не обижать, участники читали свои стихи в алфавитном порядке (по 5-6 минут каждый). В выборе стихов была полная свобода. С моей стороны было высказано единственное пожелание (и то не строго обязательное) – чтобы самое первое стихотворение резонировало с темой эмиграции.

Многие участники и гости обоих вечеров подарили свои поэтические книги библиотеке ассоциации «Эмигрантская лира», организующей одноимённый поэтический фестиваль. Эта библиотека с каждым годом постепенно разрастается и становится своеобразной европейской базой данных русского поэтического зарубежья.

Вёл поэтические вечера ваш покорный слуга. Фотографировать на вечерах я не мог, пришлось отдать фотоаппарат публике из зала. К сожалению, качество некоторых фотографий оставляет желать лучшего.

Фотографии обоих вечеров (а также моего пребывания в Нью-Йорке) можно посмотреть по ссылке:

<https://picasaweb.google.com/103443069036543562786/2012022128NewYork?authkey=Gv1sRgCKfkzKOv9uPLOG>

Фотографии Игоря Шкляра с первого вечера находятся здесь:

<https://picasaweb.google.com/igorshkl/EmigrantskayaLiraInRussianBookstoreNo2102252012?authkey=Gv1sRgCPy9u8WluP6U8wE&feat=email>

В заключение несколько слов о ближайших перспективах. Очередной, четвёртый по счёту Всемирный поэтический фестиваль «Эмигрантская лира» состоится с 23 по 25 августа 2012 г. в бельгийском городе Льеж. Положение об одноимённом конкурсе опубликовано на сайте «Эмигрантская лира». Этот поэтический конкурс проводится:

- а) для поэтов, проживающих за пределами стран, в которых они родились (по трём «эмигрантским» номинациям), и для поэтов, проживающих в странах своего рождения (по одной номинации – «Неоставленная страна»);
- б) для поэтов-переводчиков (независимо от их страны проживания);
- в) для критиков творчества поэтов-эмигрантов (независимо от их, критиков, страны проживания).

Из новостей этого года отмечу новую номинацию в конкурсе критиков – «Эссе о современной русскоязычной поэзии за рубежом». Здесь приветствуется глобальный синтетический подход, освещающий состояние, особенности, успехи и проблемы всей современной русскоязычной поэзии за рубежом.

В рамках Четвёртого фестиваля, в воскресенье 26 августа 2012 г. в Париже состоится поэтический вечер «Эмигрантская лира в Париже».

До встречи в Льеже и в Париже!

Привет, поэтическая метрополия!

Если звезды зажигают...

Когда четыре года назад Александр Мельник задумал организовать международный фестиваль «эмигрантской поэзии» (как-то до сих пор не получается у меня написать это без кавычек) – на него обрушилось множество весьма сердитых оппонентов. Мол, что за искусственное такое разделение литераторов по принципу прописки – и это в 21 веке, при едином информационном пространстве! Но все-таки не может же совсем не влиять на человека пейзаж за его окном и язык, на котором он говорит с соседями или с продавцом в магазине. Ну хоть какая-то будет общая особенность у стихов, написанных разными авторами, живущими вдали от своей «культурно-языковой среды», как очень по-научному сформулировал Александр, правда? И почему бы не сделать фестиваль эмигрантской поэзии, раз уж есть (или делают вид, что есть) такие не менее условные направления в литературе, как «женская поэзия» или даже «гей-поэзия»...

В общем, Фестиваль «Эмигрантская лира» в Брюсселе в 2009 году состоялся – и прошел вполне тепло и весело, на высоком научно-техническом – ой, пардон, на высоком творческо-поэтическом уровне. Могу это подтвердить как участник! И даже стал он ежегодным. Так что налицо «новизна» (раньше таких тематических фестивалей не было), есть «внедрение» - в общем, все признаки Авторского Свидетельства, которое следует присвоить Александру Мельнику.

А в феврале 2012 года приехал Саша Мельник в Нью-Йорк в гости и организовал с божьей и Грицмановской помощью большие поэтические чтения. И – опять съехались и слетелись поэты! И не только нью-йоркцы, которые съехались на метро – но и Римма Маркова из Швеции (победительница 2012 года в номинации Поэзия), и Наталья Резник из Колорадо (победительница турнира переводчиков), и Илья Липес из Торонто... И гостей собралось просто стихи послушать столько, что стульев на всех не хватило. Ну, собственно говоря – вот и ответ на возражения скептиков: если звезды зажигают – значит, это нужно не только самим звездам, но и кому-то еще. А раз так – надолго не прощаемся, увидимся в Льеже. Ну, или еще где-то – шарик-то наш общий нынче невелик...

Акс Ирина

О нью-йоркских поэтических вечерах

Нью-Йорк встретил нас непогодой, но, вспомнив, что «у природы нет плохой погоды», мы решительно двинулись в путь по Манхэттену, такому туманному, такому дождливому и такому озабоченно-приветливому...

Состояние «нет плохой погоды» не предвещало ничего, кроме приятных неожиданностей, а к приятному человеку всегда более или менее готов, не так ли?

Бельгийский конкурс «Эмигрантская лира» во главе с его создателем Александром Мельником «слегка» переместился в огромный Город, приняв вид поэтических вечеров, где все приглашенные поэты, члены жюри, гости и даже музыканты имели возможность вновь насладиться поэзией. Несмотря на то, что Город был прохладен, дождлив, а иногда и снежен, атмосфера вечеров была теплой, дружеской, внимательной друг к другу и очень творческой по сути. Прошу прощения за клише, но это чистая правда.

Первый вечер начался в Русском книжном магазине и – поистине!- яблоку негде было упасть! Было неожиданно много народа, шумно, тепло, весело и приятно. Обогащенные микрофоном, поэты читали, поэты слушали, поэты наслаждались волшебным состоянием, когда слово превращается в музыку, когда звучащее слово мгновенно разрушает границы «состояния на бумаге», заставляет человека по-новому понять и согреть текст, окунув его в напряжение звука. Прозвучавшие бардовские песни добавили вечеру камерности, одухотворенности и необходимой «струнности». Я свято верю, что музыка и поэзия – «близнецы-братья».

Второй вечер состоялся в ресторане «Русский Самовар». История этого маленького и дружелюбного ресторанчика богата событиями в прошлом (надеюсь, что и в настоящем тоже); у него есть своя история, там собирались энергичные братья-эмигранты, обсуждались проблемы, важные дела, читались стихи, пелись песни. Так что мы опять попали в поэтический момент, талантливо подготовленный для нас организаторами вечеров: Сашей Мельником и Андреем Грицманом. Мы собрались на втором этаже этого уютка, а на первом шла обычная ресторанная жизнь, звучал рояль и пелись песни, шумел народ, звенела посуда. И, странная вещь: никому это не мешало, скорее наоборот. Получилось так, что мы и читали, и слушали своеобразную внутреннюю жизнь этого особого места, вероятно, попадая в унисон. Иначе я никак объяснить это не могу.

Я благодарна всем, кто смог приехать в Нью-Йорк, пообщаться хотя бы коротко, прочитать свои стихи, спеть песни, полюбоваться чудесными лицами, послушать обворожительные строки. Пределов нет нашей благодарности тем, кто участвовал в организации вечеров – пусть они будут здоровы, счастливы и богаты. Как богат человек, который собирает не звонкие монеты, а музыку поэтических строк.

Феномен русской эмигрантской лиры продолжает жить!

Галина ВОРОНЕНКО

Стихи участников нью-йоркских вечеров

Акс Ирина
США

ПЕСЕНКА ЭЛЛИ

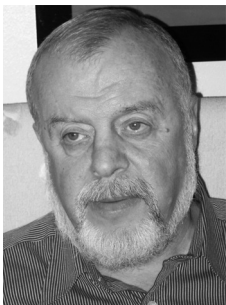
Вокруг - Волшебная Страна чудес - хоть прячь их про запас, всегда - весна! Лишь я одна хочу домой, в родной Канзас,

туда, где степь да степь кругом, откуда путь далек лежит... Все дело в том, что там - мой дом, а здесь - мечты и миражи.

И я вернусь домой, вернусь! Ведь я хочу домой, хочу! Там жизнь скучнее... ну и пусть! Не пожалео! нет! ничуть!

А после - прилечу опять сюда, где сказки - наяву, к друзьям (они ведь будут ждать!) - к Страшиле, Дровосеку, Льву,

чтоб снова все - как в первый раз, чтоб до чудес - подать рукой! ...дождись меня, родной Канзас, мой куст ракиты над рекой...

Долинов Александр
США

ЮНОЙ ДЕВЫ ОТКРОВЕНЬЯ

В Америку приехала недавно я, Не понимала местного уклада. Что здесь второстепенное, что главное, Что надо делать тут, а что не надо. Не знала я, поэтому приятели, Друзья, родные и едва знакомые Охотно на меня досуг свой тратили, Чтоб познакомиться с местными законами. Сказали мне: Америка прекрасна, Свободная и дивная страна, Но здесь становится небезопасно, Когда гуляешь вечером одна. А ежели в метро придётся ехать, Которое по местному “Сабвей”, Тогда уж точно будет не до смеха, Тут страху понатерпишься - ой вэй. Тут может предложить тебе прохожий Твой капитал куда-нибудь привлечь, Возможно, что он будет чернокожий, И тут уже ему ты не перечь. И вот, послушав все эти советы, Я поняла - не так уж всё хитро, И как-то раз с моей подружкой Светой Мы едем поздно вечером в метро. Сидим мы с ней вдвоём в пустом вагоне, Я чуть дремлю, но не смежаю век. И вдруг, такая вот судьбы ирония, В вагон заходит чёрный человек. Он двигается в нашем направлении И как-то странно на меня глядит. Тут понимаю я в одно мгновение, Что это преопаснейший бандит. Я судорожно шупаю в кармане И вижу, что там нету ничего. И вдруг кричу: Excuse me, sir, no money! И жалобнозираю на него. И, мобилизовав свои таланты, Ему я, чуть не плача, говорю: Мы бедные, мы - рашэн эмигранты, И на него доверчиво смотрю. А он глядит на нас, не понимая, И песенку под нас себе поёт, И доллар из кармана вынимает, И нам его с улыбкой подаёт.

Машинская Ирина
США

СПАЛЬНЫЙ ВАГОН

Перелески в окне - как реклама на длинном плакате: разбираешь под утро, а сложишь уже на закате то, что может сойти и за смысл, если круглые даты, а замедлится если - то ели стоят, как солдаты.

До того, как войдет проводник с неизбежным вопросом, ты умылся и едешь под голубым купоросом. Только утром, пожалуй, и смотришь с таким интересом, словно тут ты живешь, за каким - все не выберешь, лесом.

Но полуденный мир поражает подобьем устройства. Переехав, ты только удвоишь размеры изгойства. Разве ноги размять или яблок купить, а отстанешь - только бабки останутся, сам же козленочком станешь.

Примеряйся хоть сколько к чужому вприглядку, вприкуску - не ухватишь всего на ужимку, утряску, утруску: то дуга, то стога, то снопы кувирком, как попало, и лесок на стекле, и закатом горит одеяло.

Как печально чаинкок вращенье в стакане граненом, в этом свете - с востока зеленом, а справа каленом, отставая повсюду, как есть расставаться готовясь - не сегодня, так завтра - какая им разница, то есть.

Мельник Александр
Бельгия

ГРАНЬ

Не всё безмятежно нежить покой порога, настала пора поставить свою пятую на тонкую грань и смело направить ноги туда, где не жить поэту немощному – в немыслимый дома повторот событий, в обитель сладчайших голубоглазых дев, туда, где любовной лодке

не биться с бытом, где с лодочником общаются нараспев. Я в дивном краю воздвигну свои хоромы и стану для местных гурий почти как бог, но жизнь пролетит, и я вдалеке от дома всё чаще начну писать про родной порог.

Сквозь линии строк подспудно проступит тяга к незримой черте, оставленной за спиной, она оживёт на чистом листе бумаги, настигнет меня, удавит и станет мной. Я буду смотреть в окно неподвижным взглядом на калейдоскоп меняющихся огней, а видеть для всех невидимую преграду -

ту самую грань, и юность мою за ней. Хоромы сгорят, химеры исчезнут в дыме, колдуньи мои к чертям улетят во тьму, и станут стихи печальными и простыми, как совесть, которой вычурность ни к чему.

Штивельман Вита
Канада

ЭМИГРАНТСКОЕ

...нет, не знаю я, что хуже, нет, не знаю я, что лучше. Пробираясь через стужу, продираясь сквозь колючий белый сумрак, скользкий, мглистый, я протягивала руку. Всхлипывала замок английский, тапочкам татарским вторя, шарканью побитых лестниц. Хвойный лес со мною спорил. Я оплачивала место в каждом транспорте наземном, и в надземном, и в надводном аккуратно. И с везеньем мне везет бесповоротно. Но когда - глаза раскосы - вдаль поет безумный Сириус, в сон врываются без спросу осени моей осины.

Этельзон Михаил
США

НЕ СУДЬБА

Вот такая нелепость – чушь, не судьба его – несурзаща... И Америка ведь – не глушь, не Урюпинск же – в этом разница.

Увозили на всех парах от сумы и тюрьмы, и прочего... А теперь... на коленях прах – разве думалось, разве прочили...

Понимаю, могли и там – на войне, во дворе, в милиции... Увозили... и вот плита, над которой теперь молиться им.

Да, конечно, могли везде – тут ли родина, там ли мачеха... Но убили... убили... Здесь – сына, мальчика...

Липес Илья
Канада

Когда меня вберет в себя толпа И вывозит и вывезет со звоном, Я стану идеальнейшим шаблоном, Чтоб всё по меркам, складно, не сгупа. Я буду попивать клубничный чай, Решать кроссворды не без интереса И шупать ребра: все ли живы бесы. – Так, между делом, словно невзначай.

Клуб поэтов Нью-Йорка и примкнувших авторов

Зиновий КОРОВИН

В ЛЕСУ

Моей жене

Недвижен лес, не слышим лес,
— что осень, что весна...
Вверху — голубизна небес,
небес голубизна.
Внизу — чуть видная тропа,
а вдоль тропы — грибы,
тут есть грибная шантрапа
и есть свои «дубы».

Еловых шишек чешуя,
берёз сиропный сок,
сосновых игл острия
и строй пчелиных сот
в дуплах осин... Над всем дубы,
всех пережив, царят;
лесные баловни судьбы
нам жёлуди дарят.

Нам жёлудей не подбирать
ни свежих, ни старья,
пусть их поест лесная рать
различного зверья.
Косит по ходу в чащу взгляд,
туземцев опознав:
мелькнёт зайчишки белый зад,
оленья желтизна...

Тропа идёт то вверх, то вниз —
совсем как наша жизнь,
и путь, как жизнь, каменист,
поэтому — держись!
Но нет гудков автомашин,
не слепнешь от реклам,
здесь нет работы за гроши,
а деньги — лишний хлам.

Здесь нет дверей, чтоб на засов
закрыться от зверей,
нет нас, торопящих часов
и глаз календарей...
Наш лес немного с раем схож —
запрудой току лет.
И тем, что есть в нём, он хорош,
и тем, чего в нём нет.

И потому под выходной
мы ищем шель, чтоб влезть
в наш близлежащий рай земной,
наш близстоящий лес.

НОСТАЛЬГИЧЕСКОЕ

«Несказанное. синее, нежное...»
Сергей Есенин

Мне привиделось милое, прежнее —
Приоткрыли чуть-чуть облака
Несказанное, синее, нежное...
Ах, Россия! Ты так далека!

Позабыты толпа безответная,
Господа и рабы, и вожди.
Только синь не забылась приветная,
И снега, и грибные дожди.

Не забыты хмельные отдушины
И непьющих задумчивый круг,
И стихов золотые жемчужины,
И улыбки немногих подруг.

Не забылись ни небо высокое,
Ни морской неумолчный прибой...
Ой, ты юность моя синеокая,
Как же трепетна встреча с тобой!

Надежда МАРХАСЁВА

МОЛИТВА

Спасибо, Господи,
что здесь я до сих пор,
Ещё люблю, ещё чего-то стою...
В узорах облаков сияющий шатёр,
Я жадно ветер пью, и в рокоте прибоя
Ещё надежда, а не приговор!

В неумолимом ритме волн,
ветрам послушном,
Звучит на языке, понятном мне:
Ещё вещей порядок не нарушен,
Ещё растут деревья на земле,
И в свой черёд весну сменяет лето,
И божий мир обласкан солнца светом...

Прости мне, Господи,
вину и заблужденья,

Неточность слов и чувства перехлест,
Прости за то, что в суетном круженье
Не помнила своё предназначенье,
И ветер случая меня по жизни нёс,

Не осуди за тёмных чувств накал,
За фальшь, когда молилась и грешила...
Хоть я пила отравленный бокал,
Другому я его не подносила.

Не дай, Господь, во лжи повинной быть,
Иль стать причиной злого наговора,
Не доведи увидеть, как бежит
По следу друга псов хрипящих свора,

Не разлучи, с кем вместе я в пути,
Как больно, если эти узы рвутся...
И раньше всех мне хочется уйти,
А те, кого люблю, пусть остаются!

Лариса МИХАЙЛОВА

FALL IN LOVE

Упасть в любовь...
Прекрасней не сказать!
В ней раствориться,
умереть, воскреснуть,
Тебе себя до капельки отдать,
Твоей любви испить нектар небесный...

Одно у нас дыханье, тело, кровь —
Пусть ненадолго —
как решит Всевышний.
В который раз мы падаем в любовь...
Но мне на этот раз уже не выжить!

УТЕШЕНИЕ...

Заждались Вы весны?
Я ступала меж лужами
В предвесеннем лесочке
с остатками белыми,
Где листвы прошлогодней
продрогшее кружево
Пробивает трава изумрудными
стрелами.

Там речушки звенят,
снег почти что растаял,
Кое-где только льдинки
на солнце мерцают.
Да в пещерах, в корнях
под деревьями старыми
Пару холмиков снежных
зима охраняет...
Воздух чист, словно в день
сотворения мира,
И уже возвращаются певчие птицы.
Все в порядке.Весна ни о чем не забыла.
Очень скоро она
в Вашу дверь постучится.

Арий СМИРНОВ

ИСПОВЕДЬ ПИИТА

Поэты сгорают, как свечи,
А мне не пришлось рисковать:
Под мой человеческий вечер
Стал втихаря рифмовать.

Вот говорят повсюду:
Поэзия — страсть молодых.
Я же съем соли три пуда,
Чтобы прочли мой стих.

Похвалят — скажу спасибо,
Критику молча стерплю,
Стих сочиняю, ибо
Кайф от него ловлю.

Не набиваю карманы,
Стих — мой наркотик, бальзам.
Лечит поэзия раны,
Чего желаю и Вам.

Друг мой — поэт-аналитик,
Я же рублю сплеча.
И да простит меня критик —
Скоро мой вечный причал.

Луиза ВАЙНБЛАТ

МАНХЭТТЕН НЕ МОЙ

Пусть другие поэты
воспевают Манхэттен,
Я признаюсь: Манхэттен не мой.

Неуютно всегда мне.
Тут холодные камни.

Этажи небоскрёбов — горой.

Здесь я, как лилипутка,
как пигмейка-малютка.
Мне тут тесно бывает всегда.

Пусть другие поэты
воспевают Манхэттен.
Я просторы люблю, господа!

Алла ГОЗУН АНТИЭПИТАЛАМА

Была любовь. — Прошла любовь.
Звонят колокола.
Теперь всё сам: стирай, готовь,
Посуду со стола
Сам убирай и сам же мой,
А можешь и не мыть,
И поздно вечером домой
Не страшно приходить.

И поздно вечером отчёт
Не надо отдавать,
Теперь тебе не страшен чёрт,
Теперь тебе в кровать
Не надо, как на эшафот,
Достоинно восходить:
Тут грудью, как фашистский дот,
— Не пробуй! — не закрыть.

Теперь свободен от оков,
А думал — никогда,
А думал — навсегда таков,
Вот так-то, господа.
И пусть ни дома, ни двора,
И даже ни кола —
Любовь прошла. Позавчера.
Звонят колокола...

Вадим ШТУРМАН

НАДЕЖДЫ

Сердца вверяем мы Надежде,
Светильник Веры не погас.
Но в возрасте любом, как прежде,
Надежды обольщают нас.

Нельзя довериться невежде,
Болтун вас выдаст, трус предаст.
Уж биты мы не раз, как прежде —
Надежды убеждают нас.

Любовью робкой, дружбой нежной
Летим, летим любить, светясь!
Нам изменяют не надежды,
Надежды отрезвляют нас.

Не пей вина, не знаешь ежли
В застолье меры — пьют же квас!
Но как не пить, когда надежды,
Надежды искушают нас.

Ох, юность, конь твой не объезжен...
Ах, старость — дряхлый тарантас...
Мы едем с ярмарки, как прежде,
Надежды утешают нас.

Сам Бог внушает нам надежды,
Чтобы во благе и в пыли
Не забывали безмятежно,
Зачем мы душу обрели.

Уж мы давно не на манеже,
Но верим до затмения глаз:
Пусть мир изменит нам — как прежде,
Не предадут надежды нас!

Александр ДОЛИНОВ

БРАЙТОН БИЧ

Меня мой Брайтон привечает,
Меня он радостно встречает,
Меня волна его качает
И говор веселит.
Он весь в прекрасных натюрмортах,
В сырах, хлебах, колбасах, тортах,
Все ходят в шубах, джинсах, шортах,
Он радость нам сулит.

Он полон русских ресторанов,
Где нет рабов и нет тиранов,
Там из коров и из баранов
Премного всяких блюд.
Там есть креветки, суши, крабы,
Евреи, русские, арабы,
Старушки, девочки и бабы,
И всякий прочий люд.

Там я бываю ежедневно,
Там на меня не смотрят гневно,
Там дружит с городом деревня,
Там любят мой акцент,
Там коренной американец
Не более, чем иностранец.
Русскоязычных горьких пьяниц
Там невелик процент.

Со всех сторон, из всех отверстий,
Москвы, Манхэттена, Нью-Джерси
Мы слышим массу разных версий,
Мол, Брайтон — то да сё.
Но я за снобов извиняюсь,
И я вам искренне признаюсь,
Что перед Брайтоном склоняюсь.
Ты, Брайтон — наше всё!!!

Михаил БЛИТШТЕЙН

Царапины и трещины
На мебели у женщины.
И было, без сомнения,
Плохое настроение.

Она позвала мастера,
А мастером был я.
И стала эта женщина
С тех пор — Любовь моя.

Вот пролетели вешие
Почти пятнадцать лет...
Нас не волнуют трещины —
Меж нами трещин нет.

Ольга ТАРАСОВА

МОИ СТИХИ

Я без общения скучаю...
Никто ко мне не забежит,
Не спросит, как я поживаю,
Пишу ль, читаю, что болит...

Но, впрочем, жалости подобна
Такая блажь. Невпроворот
По жизни дел душе голодной,
Чтоб только принесён был плод!

А дни бегут, бегут куда-то...
Успеешь замолить грехи,
Как искушенья снова рядом —
И снова я строчу стихи.

Надеюсь, что они кому-то
Ещё нужны, раз Бог даёт.
С постели встанешь ранним утром,
В работе мысль, строка идёт...

Тогда не скучно, уж поверьте,
Хоть дома сиднем целый день.
Стихи — мои друзья и дети,
И счастья мне они взамен.

Евгений МИНИН

АХ, КАРТОШКА, ВСЕХ ПОЭТОВ ИДЕАЛ...

*«Но я картошкин помню пыл.
Хочу картошкой быть».*
Виталий Пуханов

Жить не хочу среди вещей,
Работать, есть да пить.
Мне хочется средь овощей
Картофелиной быть.
А если посмотреть вокруг,
То здесь расклад такой —
Редиской стал один мой друг,
И хреном стал другой.
Я на одно имею вид,
Возможно, выйдет так —
С турнепсом сделаю гибрид
И стану пастернак.

ПОНТО-МИМО

*«Подруга, помнишь страсть в фонтане,
Где стущена была вода?
Сегодня с нашими понтами
Мы не полезли бы туда».*
Максим Лаврентьев

Подруга, помнишь о свиданье,
Когда, не отыскав кустов,
Мы утоляли страсть в фонтане
И там резвились без понтов?
А нынче — тягостно и пресно,
Мы стали хуже пуритан.
Да и понты — признаться честно,
У нас сегодня не фонтан.

Ольга Чинякова

Автор-составитель альманаха «Росток». Дышу стихами и рок-музыкой.

Человек, поймавший небо

Человек, поймавший небо,
Великаном вовсе не был,
Ни отчаянным героем,
Ни задиристым ковбоем,
Ни накачанным спортсменом,
Ни киношным суперменом —

Просто шёл своей дорогой,
Труженик, один из многих.

Просто шёл домой с работы,
Строил планы на субботу,
Вдруг над головою небо
Повело себя нелепо:
Заскрипело, закачалось
И... как дверь с петель, сорваАлось,

Понеслось со свистом вниз,
Оборвать грозя всю жизнь...

Кто-то в страхе заметался,
Кто в слезах к земле прижался,
Кто молился, кто свихнулся,
Ну, а он к горе метнулся
И, вскарабкавшись наверх,
Мало веря в свой успех,

Руки выставил вперёд,
Принимая небосвод.

И — поймал. Набухли вены,
Ноги — в землю по колено,
По спине струится пот,
Очень тяжёк небосвод...
Как огромный блок бетонный,
Держит он его со стоном.

Стиснув зубы, ждёт: «Помогут
Скоро мне... ещё немного...» —

Сам себя надеждой тешит,
Что его сейчас поддержат,
Что надёжных рук союз
С ним разделит этот груз,
И они сумеют вместе
Небосвод вернуть на место.

Только люди проходили
И на помощь не спешили.

Кто-то издали глазел,
Кто-то даже не смотрел —
Мол, к чертям бы это небо,
Когда в доме нету хлеба...

Кто жалел (но сам не брался),
Кто советовать пытался,
Кто-то не скрывал цинизма,
Пессимизма, фатализма:

«Всё уже предрешено —
Он не сможет всё равно...»

А один сказал: «Герой!
Эх... не то, что мы с тобой...»

Потрясённый, он воскликнул:
«Люди, слышите ли скрип вы?
То скрежещут мои кости —
Небосвод держать непросто!
Мои раны кровоточат,
И терпеть уж нету мочи...
Я — как все, и ждёт семья...
Неба груз не для меня!»

Но в ответ услышал: «Милый,
Раз поймал, значит — по силам!»
Ведь никто не заставлял —
Этот груз ты сам принял.
Будешь ты теперь Атлантом,
Силачом, супергигантом.

Не уронишь небосвод —
Будет слава и почёт».

«Я держу не для почёта —
Я бы предпочёл свободу! —
А хотел спасти планету,
Чтобы жизнь была, и свет был».
«Захотел спасти — спасай!
На других же не пеняй —

Кроме тебя, никто не сможет...
Лишь ты один земле поможешь.

Поверь в себя — начнёшь расти.
Пусть ждут преграды на пути,
Страх, боль... но должен ты идти,
И сможешь небо донести
Туда, где надо ему быть,
Чтобы спокойно людям жить.

Пусть сбываются мечты —
Это можешь только ты!...»

Как узнать, чем там кончается?
Выдержит или сломается?..

**Атлант (Атлас) — в древнегреческой мифологии — титан, восставший против олимпийских богов, за что был приговорён держать на своих плечах небесный свод. Однажды к Атланту пришёл Геракл, который был послан в сад Гесперид, дочерей Атланта, за золотыми яблоками, дающими молодость. Яблоки эти охранял стоголовый дракон. Титан захотел помочь Гераклу, но ещё больше он хотел хоть на какое-то время освободиться от своей ноши. «Подержи небесный свод за меня, а я схожу за яблоками к своим дочерям», — предлагает Атлант Гераклу. Герой согласился, но вернувшийся с яблоками Атлант не захотел вновь взвалить на себя небесный свод. Тогда Геракл его обманул, сказав, что не против держать небо сам, но попросил Атланта взять ношу на пару минут, пока он не подложит себе на плечи львиную шкуру для удобства. Атлант опять взвалил небо себе на спину, а Геракл забрал яблоки и ушёл. Так Атлант и продолжал держать на своих могучих плечах невыносимо тяжёлый небесный свод, пока боги и титаны окончательно не примирились. Другой миф сообщает, что Персей превратил Атланта в скалу, показав ему голову горгоны Медузы (гора Атлас на северо-западе Африки). По одному варианту — в наказание за то, что Атлант отказался приютить его в своём доме, по другому — Атлант сам попросил Персея превратить его в камень, потому что устал...*

Дмитрий Долидович

Занимаюсь недвижимостью, организовал струнное трио «LOW ROOM». Позиционируем себя как свадебный оркестр, но и работаем над собственной программой, так же организовываю различного рода мероприятия (квартирники, дни рождения, свадьбы, концерты), работаю в СФУ. Пишу уже около восьми лет — три курса КГПИ не прошли для меня бесследно. Маялся прозой, но поэзия затянула надолго. Сейчас добиваю небольшую песку в двух действиях «Вероятность лжи», зрителю должно понравиться!

Весне

Несмелый стих весне рассветной —
Листка намокшего черты —
О терпком чувстве безответном,
Где буду я с мечтой на «ты»,
Где будешь ты, и настроенье
Вполне весеннее у нас,
Сплетает фразами знаменья

Судьба, как будто в первый раз.
Для марта и твоей улыбки
Она прольёт слезами снег —
Весной не кажется ошибкой
Любовь на день или на век,
Пусть на мгновенье, даже всеу,
Во сне, дежурное «Привет...»
За чудеса весну люблю я,
За веру, за живой рассвет!

Я

Я слышу шёпот по ночам —
Гудки сирен и шум дорог.
Так спящий город невзначай
Ко мне заходит на порог.

Я вижу тысячи огней —
Осколки тысячи миров.
Я вижу, тысячи людей
Горят в огне прожекторов.

Я чувствую — я не один,
Я чувствую — я часть его.
Я растворяюсь вместе с ним,
Я умираю за него.

Меня здесь нет, лишь огонёк,
Я человек среди людей,
Среди гудков сирен, дорог,
Реклам и тысячи огней...

Надежда, вера и любовь

Слагаю дни с надеждой ночью
Увидеть мир волшебных грёз,
И верю, что уже не прочны
Оковы, а удары розг
Не принесут мне яркой боли,
И не прольётся больше кровь —
Вновь собирая сердцем волю,
Я встречу новую любовь!

Моя душа с тобою рядом

Переступлю законы сна,
Возникнув из ночного плена,
Ты словно поздняя весна,
Уснувшая в холодных стенах.

И тени комнаты молчат
О ярком блеске мироздания.
Великая с тобой печаль,
Усталость, нежность, сострадание.

В свете луны моя любовь,
Я, наклоняясь, поправлю пряди —
Через века земных миров
Моя душа с тобою рядом...

Как мало...

Как много юности в глазах,
В слезах — лиса и ласка,
Играя смехом на устах,
Как разноцветной маской,
Сплетаешь судьбы со своей,
Но вой услышав, скоро
Сорвёшься в сумрак из огней
К стае волков покорно...

Как мало было ярких дней,
Согретых на ладони —
Река уносит их быстрее
Из памяти в покои,
Где, не тревожа сердца бой,
Улягутся в забвенье
Избитых фраз нелепый рой,
Правдивых слов мгновенья.

Анна Лобастова

Публиковалась в альманахах «Росток» №1, №№3-6

Обращение к юности

Просыпаюсь в семь ноль-ноль,
Иду впотьмах почистить зубы,
Сухие обжигает губы
Мне кофе, и на ложке соль.
Вокруг темно ещё с утра,
Гуляет ветер под штанами.
Я с сотнею-другой рабов
Не поспеваю за часами.
Но я умею помечтать,
Крутятся на поручне в толкучке,
Я думаю не о получке
И не о тех, кто б смог занять.
Мне снятся дивные миры,
Асфальт, мопед и бесконечность,
Поля, на горизоте — вечность,
Как возжеленные дары.
Дорога снится, свист в ушах
От дикой скорости машины.
Закат обрушит вниз ушат
Коралловых лучей на шины...
Мне снятся крылья за спиной —
Реальные, в татуировке...
Гулянки, бег без остановки
И музыка, что не со мной...
Тюрьмою скучный кабинет,
Скрип ручек, голоса фальцетом...
Поставьте диск мне с вечным летом!
Чтоб на повторе!!! Диска нет...
Как суицидник за окном,
На подоконнике смеётся
Моя подруга — не вернётся,
Если уйдёт. Зовёт: «Пойдем!»
Она всё дальше от меня,
Машу рукой, кричу: минутку,
Ещё немного, я не в шутку!
Не отнимай, прошу, ни дня!
Я брошу всё, пойду с тобой,
Пусть будут все зубами клацать,
Брюзжать, корить, что с головой
Я не дружу... Но я — долой...
И сколько будет мне — Бог мой! —
Хоть сто, хоть двести лет с лихвой —
В душе всегда мне будет двадцать.

* * *

Из меня все реже
Льются реки рифмы —
Это просто взрослость,
Это просто блажь...
Я — пустой болванчик
Без вреда для мира,
И мои потуги —
Глянцевый коллаж.

Раньше было время:
Было лет тринадцать,
Угловатость в жестах,
Красные прыщи.
А теперь все стухлось,
Выросло и свяло...
За мечту полцарства!
Эх, ищи-свищи!..
Продавая душу
Кнопочкам мобилы,
Мышкам и кафешкам,
Яркому шмотью,
Как-то подзабыла,
Как-то упустила,
Что мой мозг стал мыслить
В форме ICQ.
Что теперь поделать:
Разучиться бегать,
Научиться видеть
Мир вокруг себя?
Импотент духовный,
Импотент без мыслей —
Царство за идею!
...Четверть — за коня....

Красноярск

Андрей КАЛИНИН

Экономист-математик по образованию, три года работал в УБЭП ГУВД по Красноярскому краю. Не имею никаких регалий и званий, верю в случайных гениев, вдохновляюсь клоуном Полуниным. Заканчиваю работу над первым романом.

Точка

Меня зовут Майкл Снейлз. Вы когда-нибудь слышали обо мне? Готов спорить, что нет. А ведь обо мне писали в газете, прямо в день моего рождения, 17 апреля 1993 года. В «Тристан Таймс». И если второе слово этого названия вам наверняка знакомо, то первое уж точно нет.

Я сижу и смотрю на Атлантический океан. Сегодня он спокоен, как никогда. Его бирюзовые волны степенно окатывают каменный берег, отступая и оставляя вместо себя тающую пену. Я сижу и думаю, что ведь кто-то на Земле никогда не видел океан... А ещё я думаю, что где-то сейчас сидит человек, где-то очень далеко, человек, который живёт в пустыне. И он думает, глядя на ясное ночное небо, что ведь где-то есть на свете люди, которые никогда не видели пустыни...

Представляете? Где-то на Земле есть множество людей, которые никогда не видели тех вещей, с которыми мы сталкиваемся каждый день. Которые живут как-то по-другому. Сколько в мире людей, которые живут как-то по-другому, чем вы? Подумайте над этой цифрой. Учитывая, что по прогнозам в 2010 году численность населения нашей планеты перешагнёт рубеж в семь миллиардов, людей, которые живут как-то по-другому, чем я... ну, где-то около семи миллиардов...

Сегодня ночью мне приснился сон. Там, во сне, мы жили на огромных жёлтых деревьях. Они были, наверное, больше ста метров в высоту, с толстыми стволами и мощными ветвями, на которых люди устраивали свои хижины. Но ещё на них росли тонкие и гибкие ветви, как лианы в джунглях. И мы летали на них, облетая деревья по кругу, словно на карусели из филыма, а потом, отлепаясь, пребывали в свободном полёте, пока на пути не попадалась следующая лиана, с другого дерева. Ощущение полёта... Как это было хорошо. А ещё вечная осень. Во сне я знал, что в этом мире огромных деревьев и полёта царит вечная осень, которая никогда не кончается. Во все стороны до горизонта простирались верхушки деревьев. Жёлтые, оранжевые, красные листья, которыми была усыпана и земля внизу. Это было настолько красиво, что дух захватывало от одного вида. Это было нереально, не по-настоящему красиво.

Но мне там не нравилось. И я уходил далеко, где было по-другому. Во сне я не понял, откуда я знал это, но за горизонтом, в одной стороне света из четырёх, был другой мир. Чтобы добраться туда, мне был нужен весь день. Ранним утром, придумывая предлог для своих домочадцев, я уходил из дома и улетал. На огромных осенних ветвях я двигался на север... наверное, это был север, ведь там тепло. Постепенно окружающая картина менялась. Деревья становились всё ниже, а осень на горизонте пропадала, как будто обрывалась, уступая место чистому голубому небу. В конце концов по деревьям уже невозможно было передвигаться, потому что они становились такими маленькими, а ветви такими хрупкими, что не могли удержать мой вес. Я спускался на землю, на ковёр из жёлтых листьев, и шёл пешком.

Высокие деревья оставались далеко позади, теперь меня окружали уже маленькие жёлтые деревца и кустарники. Земля и камни под ногами были почти свободны от листьев, только временами ноги наступали на них. И вот я подхожу к краю утёса и сажусь на камень. Позади тысячи и тысячи деревьев, огромных и могучих, жёлтая Вселенная моего народа. Осень...

А теперь я смотрю вперёд. Там, под скалистым, почти отвесным утёсом, на котором я сижу, — лето. Долина, утопающая в зелени. Деревья, такие разные и красивые, они такие живые, они, кажется, дышат. Поляны и ручьи, птицы, поющие мелодии на своих птичьих

языках, и там, где-то далеко-далеко, под самым горизонтом, песчаный пляж и голубой океан. Он не такой тяжёлый для взгляда, как тот, что я вижу каждый день в своей реальной жизни. Тот океан во сне, он такой приветливый и манящий, как весь этот зелёный мир, простирающийся внизу. И вот в своём сне, очень красивом от начала до конца, я сижу и мечтаю о том, что сплечу из таких родных мне лиан длинную-длинную веревку и сбегу из вечной осени в вечное лето, о котором наверняка многие знают, но почему-то молчат.

Мой дед говорит, что в жизни людей есть вещи, которые не получатся победить. Речь не о смерти, голоде, войне и прочих подобных штуках. Дед говорит, что в жизни каждого человека есть ситуации, которые складываются не так, как бы нам хотелось. Не просто какие-то мелочи, а знаковые в нашей жизни вещи. У каждого из нас, по его словам, будет человек, который будет очень нам нужен, но мы не сможем его удержать. У каждого будут мечты, которые придется оставить. А ещё он говорит, что когда кончается молодость, с ней кончаются и чудеса. И с этим ничего не поделаешь, нужно только смириться и работать.

Не знаю, что там в голове у моего деда. Я вот молод, но никаких чудес вокруг не вижу. Мы с ним часто друг друга не понимаем. Меня здесь не понимают все, хотя пока я зачастую молчу. Только иногда задаю вопросы. Я ещё слишком зелен, чтобы что-то говорить. Но ведь когда-нибудь всё изменится. Я повзрослею и смогу смело высказывать окружающим свои мысли. Все изменится...

Я читал, что одна из главных потребностей человека — знать, что его жизнь завтра может измениться к лучшему. Абстрактное завтра. Мы встаём утром, моемся, идём на работу, читаем приключенческие книжки только потому, что верим, что скоро будет лучше. Что закончится зима и станет теплее и приятнее вставать, мыться, идти на работу и читать книжки. Верим, что найдём любовь. Что скоро случится что-нибудь хорошее. Мы каждую секунду ждём будущего. Людям, которые воюют, нужно знать, что война когда-нибудь кончится. Иначе какой смысл в бесконечной войне?

Встаю и иду домой. Какой толк от всех этих размышлений, когда всё остаётся так, как есть? В моих наушниках красивая музыка. Музыка — это такой способ выразить себя, когда стройность мысли совсем не обязательна. Она вся на чувствах, на ощущениях, на правлении эмоций. Наверное, люди, которые играют свою музыку, на одну ступеньку выше тех, кто выражается словами.

Погода сегодня пасмурная. Небо над нашим островом всегда такое тяжёлое на вид, что, кажется, вот-вот упадёт на голову. Иногда у меня бывают ощущения, что на самом деле в мире нет других людей. Есть лишь этот остров, а остальное — океан. И он безграничный, как Вселенная, можно плыть по нему многие годы, чтобы добраться неведомо куда, да только всё бесполезно. Жизни не хватит.

Наверное, так поступали отчаянные смельчаки (или просто отчаянные) когда-то. Садились в свою деревянную лодку и уходили в океан, в бушующую воду, с бушующим желанием найти людей где-то далеко. Людей других, не тех, что рядом, совсем не тех...

Возможность выбора — это главное, что у нас есть. Мы выбираем, кем нам быть. Выбираем, встать сегодня с постели или нет, направо пойти или налево, бороться за свою мечту или поддаться скорби тех, кто не стал за неё бороться. Так странно, что миром правят неудачники. Те, у кого не получилось доплыть до границы Вселенной, перестали верить в неё. И их боль настолько сильна, что доказать невозможность победы становится тихим смыслом их жизни...

Пора рассказать вам небольшую историю. Загляните в «Википедию». Точка — абстрактный объект в пространстве, обладающий координатами, но не имеющий размеров и массы, направленности и каких-либо других геометрических или физических характеристик. Я живу на острове, точке на глобусе под названием Тристан-да-Кунья. Вообще это архипелаг, в котором, кроме нашего, ещё два острова. Находятся они в южной части Атлантического океана. Наш остров — самая отдалённая населённая точка Земли. В смысле, отдалённая от других населённых людём мест. Он находится в 2816 километрах от ЮАР, в 3360 километрах от Южной Америки и в 2161 километре к югу от острова Святой Елены, да, того самого, где умер Наполеон.

Наша столица, которая, впрочем, представляет собой просто деревню, называется Эдинбург семи морей. Живёт нас здесь 271 человек. Некоторые вещи из нашей жизни нам будет очень трудно воспринять. Например, у нас с 1876 года не было убийств. А Интернет здесь появился раньше, чем почтовый индекс. У нас нет армии, нет полиции, потому что нет преступлений. Здесь невозможно купить недвижимость и получить вид на жительство. А о рождении нового жителя острова пишут на первой полосе нашей газеты. Да, той самой «Тристан Таймс», о которой я упомянул в на-

чале. Так что в этом плане я вовсе не такой уникальный. Экономика острова держится на филателистах и нумизматах, с удовольствием покупающих предметы коллекционирования из столь экзотического места, на ловле лобстеров и на фермерстве.

В 1961 году из-за извержения вулкана людей с острова перевезли в Англию, под чьим протекторатом мы формально находимся. Ничего хорошего из этого не вышло. Во-первых, все в той или иной степени заболели — сказала двухсотлетняя изоляция. Несколько человек умерло от простейшего гриппа, кишечных расстройств и так далее. Во-вторых, на большинство гнетуще подействовал непривычный уклад и ритм жизни. И в итоге все вернулись. Правительство рассчитывало, что хотя бы молодёжь захочет остаться — нет, не остались.

«Географическая изоляция породила замкнутую систему человеческих взаимоотношений, а та, в свою очередь, — идеальное спокойствие общественной жизни. Итог: цивилизованное, но замкнутое общество, добывающее своим трудом средства на блага всего остального мира, но совершенно не стремящееся в этот мир», — пишут в Интернете.

Но здесь нет главного. Здесь нет выбора. И больше всего в жизни я хочу сбежать отсюда.

Мой отец — секретарь правительства острова. Все канцелярские дела на нём, в том числе администрирование нашего официального сайта. Но фактически этим занимаюсь я, вот почему имею возможность постоянного выхода в Интернет. И общения с внешним миром.

Тот самый мир, возможности которого безграничны. В котором любят говорить, что все препятствия — в нашей голове. Моё препятствие — это тысячи километров океана и люди вокруг, которые сами уже не знают, чего они хотят и хотят ли вообще. Они так привыкли жить в своем тесном мире, что любимое их занятие — это умиляться тем, что он якобы идеален.

Тесный кабинет канцелярии и компьютер. На столе книга, в которой записаны заказы на покупки через Интернет, ведь теперь до нас наконец доходит почта.

Включаю «Facebook». Я уникальный персонаж, гордость своих Интернет-друзей. Каждый мечтает о таком друге, как я. Я придаю частицу уникальности всем, кого захочу добавить. Я драгоценный камень, я древняя книга.

Вторая, более прозаичная сторона медали — никто не носит уникальные драгоценные камни каждый день, никто не выставляет древние книги на всеобщее обозрение. Общаются со мной мало. Да и о чём говорить, когда мне нечего рассказать людям, кроме как об острове. А когда кончатся мои стандартные заготовки, с другой стороны кончатся ахи и охи, и оказывается, что дальше чаще всего пустота.

Я понимаю этих людей, их жизнь насыщена событиями. Их окружают тысячи людей, сотни переживаний, эмоций, возможностей, ситуаций. Они варятся в своём безумно ритмичном мире, и нет им дела до меня, вокруг которого время остановилось. Зависло, глядя на океан и тяжёлое небо.

По-настоящему близко общаюсь лишь с несколькими людьми. Вот как раз сообщение от Мэты из Нью-Йорка. Город, в котором в одном доме людей живёт больше, чем на всём нашем великом, мать его, острове! Как же меня всё бесит! Как всё это надоело! Как хочется вырваться отсюда к людям, к свободе, к реальной жизни!

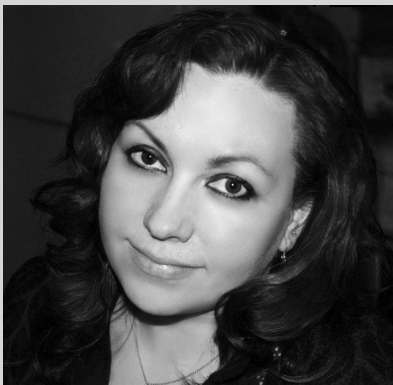
«Привет, Майк! Как у вас там погода? Как вулкан, всё дремлет?») Нашёл книгу, которую ты просил, пришлось три магазина обойти! В ближайшие дни добегу до почты, отправлю. Напишешь потом, через сколько дошла :).

Думал над твоим сообщением. Выбор... Да, наверное, это и правда одна из самых важных вещей в жизни. Только есть здесь одна загвоздка, что-то здесь не то. Я смотрю на людей вокруг. Люди унылые, они несчастны. Они сходятся друг с другом, расстаются. Без дела слоняются в одиночестве по улицам, как прокажённые. А чаще сидят в Интернете. Они не могут зацепиться друг за друга, потому что река, которая несёт нас, так быстра, что силы притяжения не хватает.

Мы уже давно не смотрим внутрь, гонимся за обёрткой, поэтому выбираем не тех. Не знаем, чем нам заняться, потому что занятый так много, что остаётся только пилиться на них, как на страничку в «Facebook». Мы не живём. Мы просто обновляем страницу.

Выбор... наверное, это важно. Но почему-то люди всё время выбирают не то. Может быть, они просто такие существа. Может быть ограниченность выбора — это именно то, что может нас спасти. Может, мы просто всё время заблуждаемся, думая, что сможем выплыть, барахтаясь в бушующем океане. Иногда так хочется почувствовать наконец ногой сушу... И просто жить.

Ну ладно, пора бежать. Пиши».

Анна Тури

Родилась в г.Подпорожье Ленинградской области. В 2001г. окончила Петрозаводский государственный университет по специальности Менеджер-экономист. С 1985г. проживаю в г.Костомукша. Работаю по специальности. Впервые произведения были опубликованы издательством литературной газеты «ЛИК» в 2011г.

ПАМЯТЬ ПРОШЛЫХ ВЕКОВ

**Твои волосы пахнут мятой,
А на шее мешает шарф.
Я сниму его аккуратно,
Чтоб почувствовал запах трав.**

**Утро мёдом пахнет с полынью.
Ароматом цветов-васильков.
В этой жизни с тобой мы другие.
Аромат - память прошлых веков.**

**Помнишь, в прошлой сказочной жизни
Мы любили вдыхать аромат?
Босиком по лужам бродили...
Друг без друга ни-ни... ни на шаг.**

**Мы с тобой взрослеть не хотели.
Ни на чуточку, ни на грамм.
Ну, давай, вспоминай скорее.
Может, сможем вернуться “в храм”.**

МЕЖДУ МНОЙ И ТОБОЙ

**Между мной и тобой - сантименты,
Нежность слов и души покаянье,
Письма, что не кладутся в конверты,
С поцелуями на прощание.**

**Между мной и тобой — притяжение.
Несмотря на капризы фортуны.
И движение в плавном скольжении.
Как по льду очень хрупкой структуры.**

**Половинок двух душ - в бесконечность,
Что бредут, а глаза под повязкой.
Стрелки тикают лихо, беспечно.
И к финалу подходит развязка.**

**Между мной и тобой — расстоянья.
В километрах, но с близостью взглядов.
В ощущениях сует привокзальных.
И в желанье с Любовью быть рядом.**

**Между мной и тобой - это нЕчто,
Что не рвёт наши души на части.
Где всё просто, без всяких секретов,
Но даёт ощущение с ч а с т ь я.**

Я МЫСЛЕННО С ТОБОЙ

**Любимый мой, я мысленно с тобой.
На нашем тайном острове мечты.
Здесь блудо лунное над нашей головой.
Из звёзд ковёр на небесах расшит.**

**Здесь умиротворенье и покой.
Нет суматохи, страхов, суеты.
Сквозь тёплый ветер слышен саксофон,
Приятный шум плескания волны.**

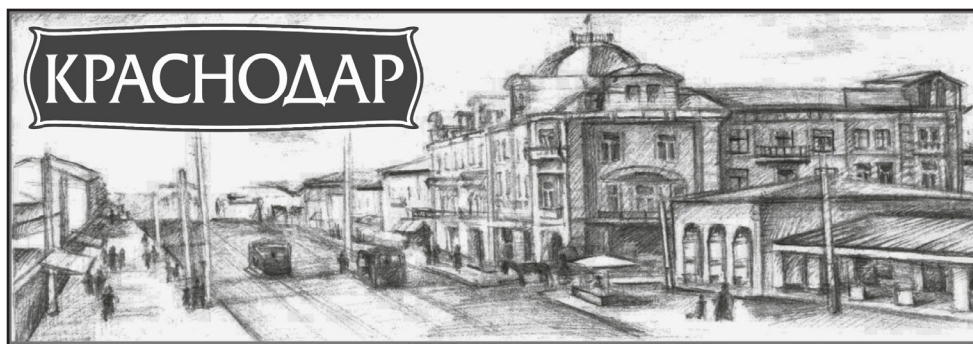
**Здесь слышно, как стучат в любви сердца.
Пылает жар. В душе горит огонь,
И кажется, что это навсегда,
Когда держусь я за твою ладонь.**

ТОЧКА НЕВОЗВРАТА

**Ну что ж. Наверное, меж нами всё.
Достигнута мной точка невозврата.
За недосказанностью фраз — расплата.
И письма птицами летят в костёр...**

**Вы не оглядывайтесь - ни к чему,
И...я Вам благодарна бесконечно,
Что с колотою раной у предплечья
К Вам на коленях я не приползу...**

**Прощайте... И простите мне нелепость.
В Ваш адрес прозвучавших нежных слов,
Всё это к лучшему. Бесполезность.
Я закрываю сердце на засов.**

В Краснодаре прошёл нестандартный поэзо-вечер-арома-поэтический сеанс «Аромат Любви»

зал вдыхает ароматы

Впервые в Краснодаре поэт Андрей Насонов и культуролог Виктория Насонова провели уникальный поэтический вечер с одновременной дегустацией ароматов.

«Идею вечера предложила моя супруга, культуролог по образованию, которая в нынешний момент работает менеджером во французской парфюмерной компании. Эта мысль мне очень понравилась. Я «прошерстил» Интернет на предмет подобных мероприятий и, к своему удивлению, не нашёл ни одной ссылки. Хотя, казалось бы, идея лежит на поверхности. Нет ничего более поэтического, нежели ароматы. Недаром парфюмеры при описании духов так часто прибегают к помощи поэтической метафоры, и вообще, пользуются словосочетанием «поэзия ароматов», - рассказал Андрей Насонов.

Представление музыканта

«Наш сеанс представляет собой своеобразный синтез искусств: музыки, изобразительного искусства, поэзии и парфюмерии. Действованы не только слух и зрение, но и обоняние. Кроме этого, немаловажно терапевтическое влияние ароматов: гармонизация эмоционального фона, создание психологического комфорта, повышение уверенности в себе», - добавил Андрей.

Арома-поэтический сеанс «Аромат Любви» прошёл в тёплой уютной обстановке художественной галереи «Арт-Союз», согретой весенней выставкой краснодарских художников «Окно в Весну». Зрители вечера были и его участниками, перед выступлением каждого поэта ведущие вечера наносили на запястья гостей аромат, соответствующий на-

строению и теме стиха, а так же основной идее вечера одному из возрастов Любви.

«Концепция сеанса «Аромат Любви» подчинена идее трёх возрастов Любви: Влюблённости, Страсти и Её Величества Любви, которые воплотились в поэзии трёх краснодарских авторов: Николая Анисимова, Андрея Насонова, Сергея Аболмазова и раскрылись в трёх французских ароматах», - пояснила Виктория Насонова.

«Лирическая поэзия Николая ярким всплеском осветила увлечённость мужчины и женщины друг другом, позволила первым робким чувствам раскрыться! Мы вдохнули свежесть фрезии и жасмина, насладились нежным очарованием розовых лепестков! Стихи Андрея Насонова погрузили нас в бьющую ослепительной тишиной, Мир зазеркалья отворился мне... Рассыпавшись в траве, сверкали росы. В воде кувшинок желтые короны. Плакучих ив свисали плавно косы, Любуясь отраженьем пышной кроны. Природы гармонична красота! В ней все взаимосвязано и просто. Восторгом первозданным сердце бьется! В объятиях небесного колодца Теряются реальности моста, Что перекинут от земного к звездам. Нет притяженья, я почти лечу! Душа парит над одиноким телом. Такой простор! Остаться в нем хочу. Была бы птицей, точно полетела б. И облака бездонно далеки. Подумалось, в них искупаться мне бы... Стояла я на берегу реки, Казалось же, что это берег неба.

Пока ведущие вечера «ходили в народ» наносить ароматы, музыкант Михаил Анисимов, импровизируя на акустической гитаре, наполнял это действо романтическим настроением. Гости сосредоточенно вдыхали ароматы, потом расслабились с первыми звуками поэзии и далее в течение выступления каждого из поэтов зрительницы нет-нет, да и подносили к носу ароматизированное запястье, и мечтательно улыбались. Общий позитивный настрой вечера, приятные запахи, замечательная любовная лирика авторов явно повысили настроение зрителей.

«Каждый из представленных ароматов, содержит афродизиаки, которые позволили участникам вечера раскрепоститься, почувствовать в себе вдохновение и стать более привлекательными», - отметил Андрей Насонов.

Вечер закончил акустический мини-концерт Михаила Анисимова. Он спел авторские песни из своего первого сольного альбома, который выйдет в этом году.

Сеанс состоялся! Кураж выступающих передается гостям. Поэта Андрея Насонова приглашали на бис. «Влюблённым» поэтам долго аплодировали. В конце вечера присутствующие отметили, что хотелось бы ещё больше поэзии.

«Мы хотели бы сделать наш арома-поэтический сеанс постоянным. Виден большой интерес! А в связи с тем, что вечер камерный, не все желающие смогли попасть на него. Это связано ещё и с технической стороной проведения сеанса, ведь нужно успеть всем зрителям нанести ароматы и при этом сохранить легкость и динамичность мероприятия. До скорой встречи на новом сеансе поэзии и ароматов!» - сказала в заключение Виктория.

Краснодарский журналист.

Елена Новаковская (Чайка)

Родилась я в Краснодаре, городе, с которым связано множество детских теплых воспоминаний, куда стараюсь заглядывать каждый раз, приезжая в Россию. В настоящее время живу в Украине. Город Боярка, под Киевом, стал моей пристанью.

Образование высшее, закончила Украинский финансово-экономический институт, в Киеве, по специальности «финансы». Работаю главным специалистом в Киево - Святошинском центре занятости.

Не являюсь пока членом Союза писателей или журналистов, или художников. Но меня радушно приняло в свои ряды Боярское творческое братство. Стихи писала всегда. Это моя отдушина! Немного рисую. Пришло время, я решила поделиться с вами своими эмоциями, чувствами, мировосприятием в надежде на отзывы.

Берег неба

«...отчего люди не летают так, как птицы? Знаешь, мне иногда кажется, что я птица. Когда стоишь на горе, так тебя и тянет лететь. Вот так бы разбежалась, подняла руки и полетела.»

Стихи по правилам не пишут,
Когда приходит вдохновение,
Стихами плачут, любят, дышат.
Они — души благословенье.
Нахлынет рифма ниоткуда,
Прольется строчкой на листок,
Внезапно превращая в чудо
Неудержимых чувств поток.

На берегу неба

Я вышла к речке. Берег словно спал.
Безмолвие в тумане ворожило.
Сверчок на скрипке соло не играл,
Пчела над лепестками не кружила.
Все замерло в священной тишине,
Мир зазеркалья отворился мне...
Рассыпавшись в траве, сверкали росы.
В воде кувшинок желтые короны.
Плакучих ив свисали плавно косы,
Любуясь отраженьем пышной кроны.
Природы гармонична красота!
В ней все взаимосвязано и просто.
Восторгом первозданным сердце бьется!
В объятиях небесного колодца
Теряются реальности моста,
Что перекинут от земного к звездам.
Нет притяженья, я почти лечу!
Душа парит над одиноким телом.
Такой простор! Остаться в нем хочу.
Была бы птицей, точно полетела б.
И облака бездонно далеки.
Подумалось, в них искупаться мне бы...
Стояла я на берегу реки,
Казалось же, что это берег неба.

Исток (Святая ручка)

Пробираясь сквозь скалы и камни,
Жизнь по капле просочилась в мир.
Ледяной, неустойчивый, давний
Древностью дыша, парит эфир.
Силой устремленный небывалой
К солнцу мчит энергии поток—
Дар богов для путников усталых.
Бьется пульс земли — святой исток.

Паутинка золотая вьется,
Наполняя мир янтарным светом,
Солнце ослепительно смеется,
Поцелуй последний дарит лето.
Миг прощанья — легкое касанье.
Осени незримая примета.
Паутинка — хрупкое создание,
Нитью жизни исчезает где-то.

Женщина — зрелая осень

Обрывки чувств, молчанье фраз,
Я вновь учусь и ошибаюсь.
В цветущий май упорно рвусь,
По желтой осени скитаясь.

Каштанов ржавые звезды
В ворохе мертвой листвы,
Твое откровенное «поздно»,
Глухие слова молвы.
У вечно неба сила,
Я слышу прошлого взгляд.
Оно ничего не забыло,
Его глаза говорят.
Зачем эти зимы и весны?
Палитру судьба смешала.
Я женщина — зрелая осень,
Ты — мой октябрь запоздалый.
Зарделись багрянцем рассветы,
Туманов сквозит проседь,
В кострах догорает лето,
Кружит в рыжем танго где-то
Женщина — зрелая осень.

Яблоком спелым в саду
Повисла на ветке высокой,
На счастье ли, на беду
Сорви меня. Жду. Одиноко.
;-)

Сентябрь

Обманчиво теплого цвета
Прощальный у листьев наряд.
Последние всполохи лета
Рассветом лучистым горят.
Галдят безрассудные птицы,
Как будто вернулась весна,
На огненной мчит колеснице,
Туманно глядя сквозь ресницы,
Владыка осеннего сна.

«Остановись, мгновенье, счастье, стой!»
Верни меня в осенний день простой,
Где ласковое солнце золотится,
Играет ветер с рыжею листвою
И в вальсе через улицу кружится!
Свет озорных, таких любимых глаз!
На радость всем ,улыбки, шутки, смех!
Любовь! Пределов нет любви сейчас,
Ведь рядом те, кто мне дороже всех.
Ладонка детская, как от нее тепло!
За это чувство можно все отдать!
До каждой клеточки оно дошло.
Источник, где согреет душу мать.
Фрагмент из жизни, несколько минут,
Как фото среди тысячи других!
Остановись мгновенье! Дай вдохнуть
Глоточек счастья из времен былых.

Иду по золоту листвы,
ступая осторожно,
Боясь разрушить тайну бытия,
Есть где-то я, и где-то ты,
и все еще возможно?
Несет нас вихрем листопад,
ждет впереди земля.
А небо на двоих одно,
преграды мысль не знает.
Свои молитвы и мечты
тебе с ветрами шлю.
Есть ты — так близко — далеко.
Что будет, не гадая,
На счастье, на любовь и жизнь,
тебя благословлю.

Бабье лето

Бабье лето — это ожиданье
Нежности, взаимности и
страсти.
Мимолетное очарованье
Теплотой осеннего ненастья.
Жажда сказки, радости и веры
В мистику волшебных вещей снов.
Бабье лето — это атмосфера,
Где царят надежда и любовь.

За ночь осыпались пестрые листья-
Наши надежды вчерашнего лета.
Изморозь колет в поздних рассветах,
Каплями крови рябины мониста.
Тянутся ветки - голые руки,
К небу немые деревья взывают.
Невиносимые годы разлуки.
Стрелки часов от тоски замирают.
Жалобно , словно котенок дворовый,
Бьется в окно неприкаянный дождь.
Век — ожиданье. Сценарий не новый.
Кто из нас бывший?... Кофе остывший.
Нервная дрожь. Ты не придешь...

Заиграл саксофон блюз осенних дождей.
Словно сказочный сон, слышу голос его,
Вижу спешных людей
в дыры мокрых окон,
И звучит желтый блюз,
и поет саксофон.
Этот бархатный тон-блюз
сентябрьских слез.
Блюз разлук и осенней мечты.
— Я люблю тебя! —
слышу я в дождь среди грез.
Я люблю тебя! — слышишь ли ты?

Октябрь

Разбышака, Осень, хулиганка,
Разбросала листья по двору.
Озорной растрепанной цыганкой,
В пляс пустилась к рыжему костру!
Меди звон. Взлетело пламя, страстью
Обжигая неба высоту.
В бардаке осеннего ненастья,
Обнажив земную красоту.

Школа кубанского минимализма

В декабре исполняется год, как в Краснодаре усилиями энтузиастов открыта Школа кубанского минимализма (ШКМ). Это культурно-просветительский проект по популяризации и развитию малых форм в искусстве. Основали ШКМ кандидат исторических наук Игорь Васильев, журналист Иван Карасев, известный хайдзин Иван Кротов и психиатр Александр Мартусенко. Всех их объединяет поиск новых форм в литературе. Интерес к сообществу проявляют кубанские художники.

Началось с того, что Игорь Васильев написал «Манифест минималистов», главная мысль которого – «Мысль нужно выражать максимально четко. Только она. И ничего лишнего». Потом была идея провести конкурс «новых русских хайку». То есть не только писать хайку в японском классическом стиле, но и «шире осваивать тему нашей страны и нашего времени. Будем писать хайку о машинах, мобильных телефонах, городском асфальте. О политиках, техногенном мусоре». (Это уже строки из другого манифеста – «Наше хайку»).

Минимализм – это не только хайку, но и корейская форма сиджо, минигекзаметр, «трагическая частушка»... Например, Иван Кротов создал новый жанр – антихайку. Это стандартное хайку по форме, имеющее весьма фантастическое либо историческое содержание. В отличие от классического хайку, которое является своего рода фотографией текущего момента.

– Наш проект – это, можно сказать творческая лаборатория по выработке креативных идей, – говорит инициатор создания ШКМ Игорь Васильев. – Мы не просим денег у местной администрации и оплачиваем выход литературных сборников, выходящих под эгидой нашего сообщества, за свои скромные средства. Хотя от помощи и не отказались бы, поскольку задумок еще очень много.

Кстати сказать, лет пять назад Иван Карасев изобрел уникальный искусственный язык Араху, который может «в несколько раз сокращать речевой поток». Весьма минималистичный проект.

Вот и решили единомышленники выпускать литературный журнал «Аса» («Знание» на языке Араху). Вышло уже семь номеров, в которых тексты даются параллельно – на русском и Араху. Каждый раз на обложку выносится какой-нибудь забавный коллаж. Например, в первом номере журнал украсило лицо Дон Кихота, которое само по себе состоит из мозаики человеческих фигур. И слоган: «MedvedevArahaui: gilssarkej». Кстати сказать, к президенту Медведеву подпись не имеет никакого отношения, это просто совпадение. Слоган переводится с Араху, как «Мельницы параллельных миров ведут к Араху: охота на ветер».

Кресло редактора журнала согласился занять Игорь Васильев. С его легкой руки возникло повторие писать «пакетики» - хайку про обычные целлофановые пакеты, гонимые ветром и пристающие к прохожим, как живые.

– У русского/советского человека особое отношение к полиэтиленовому «чуду», – говорит Александр Мартусенко. – Многие из нас помнят то время, когда пакетики неоднократно мылись и бережно хранились где-нибудь в шкафу. Странно, но в нас просвечивает полусознанная ностальгия. Ведь то было время нашего детства-юности, поэтому нам особенно больно видеть в эпоху изобилия такое легкомысленное отношение к полиэтилену. С одной стороны, он – мусор, с другой... перекати-поле, олицетворение брошенного человека, Скитальца. Необыкновенно лёгкий, почти воздушный – он необычайно живуч (если верить ученым, разрушается до сотни лет). Отсюда такой экзистенциальный надрыв: безмерная пустота и одиночество пакета равно современному среднему человеку.

Новый номер «Асы», который выйдет в канун Нового года, посвящен «пакетикам», а на обложке – краснодарская поэтесса Юлия Бондаренко, которая мастерит кукол из целлофана.

Очень быстро Школа кубанского минимализма нашла единомышленников в лице редактора журнала «Микролит» Ивана Кротова и Александра Мартусенко.

Для координации усилий сообщества был открыт сайт arahaui.ucoz.ru на бесплатном ресурсе, где размещается и ШКМ, и «Аса» с Араху, и «Микролит». Здесь помещаются не только материалы по лингвоконструированию (язык-палиндром, язык всего из пяти букв, упрощенный русский язык, язык на основе кавказских языков, азбука для кубанского диалекта – балачки), авторы пишут о совместно проводимых акциях.

Тесные связи ШКМ с кубанскими писателями (например, Иван Карасев делает сайт Краснодарского отделения Союза писателей России). В этом году члены Школы кубанского минимализма побывали на IX Открытом Чемпионате по игре «Что? Где? Когда?» в Краснодаре, в мастерской художника-путешественника Сергея Дудко (его картинами проиллюстрирован один из номеров «Асы»), в КубГУ в гостях у известного востоковеда Юрия Смертина. Кстати, именно он предложил сделать минимализм основным критерием повседневной жизни, а не только в новом искусстве.

ШКМ плодотворно сотрудничает с бардами (Константин Бельчанский спел на языке Араху Гимн РФ под гитару), писателями-фантастами (Игорем Ясинским, Алексеем Пердереевым), учеными (культурологом Михаилом Эпштейном, автором искусственного языка эльфонди Александром Колезовым). Начата уникальная совместная работа с независимым информгентством Дагестана «Цумада» по составлению электронных словарей кавказских языков. География интереса к проекту ШКМ благодаря появлению сайта постоянно расширяется. Так, например, в августе этого года на фестивале «On! GRIND'ч» в Литве музыкант Глеб Мальцев исполнил 10-минутную композицию на языке Араху «Yr» (ролик есть в сети).

По инициативе Игоря Васильева впервые в журнале «Живая старина» опубликована статья, посвященная журналистскому фольклору Кубани. Этот год запомнится в ШКМ и другими достижениями: в рамках сообщества разработана азбука для кубанского диалекта (балачки) и оптимальный транслит (предложен наиболее простой метод набора в сети русских слов латинскими буквами).

А на днях члены ШКМ побывали на «съезде» творческой интеллигенции Кубани, который прошел в здании Полномочного представительства Президента РФ по Южному федеральному округу и был организован экс-вице-губернатором Краснодарского края Николаем Денисовым и известной кубанской журналисткой Татьяной Василевской. Здесь, пожалуй, впервые информация про ШКМ и выпускаемые под эгидой сообщества журналы «Аса» и «Микролит» получила широкую огласку.

Манифест минималистов

Писатели применяли сотни способов самовыражения. В какие только драпировки не рядили тот смысл, который хотели выразить. И очень часто драпировки этот смысл начисто скрывали.

Мы идем другим путем. Прежде всего, писатель должен очень четко знать, что хочет.

Мысль нужно выражать максимально четко. Только она. И ничего лишнего.

Голые кости ничем не замутненной истины. Никаких чуждых выростов, пуха и перьев.

Вы скажете, что истины нет? Возможно. Бессмыслица выражает бессмысленность бытия. И она тоже должна быть короткой. Растягивать ее не имеет смысла.

Вы скажете, нет смысла и бессмыслицы. А что есть? Есть то, что нам нужно. То, что нас заставляет и нас побуждает. Все остальное не существует. Пока не понадобилось.

В наше время существует странная мешанина из условностей и правил. Все они уже давно потеряли силу и значимость. Их можно только отбросить.

Отбросить, кроме того, что отбросить невозможно. Того, что нам действительно нужно.

Игорь ВАСИЛЬЕВ

Игорь Васильев

Родился 10 октября 1979 года. В 2003 году окончил исторический факультет Кубанского государственного университета.

В настоящее время работает старшим научным сотрудником Научно-исследовательского центра традиционной культуры (г. Краснодар).

Публиковался в журнале «Южная звезда» (Ставрополь) в санкт-петербургских альманахах «Новая волна» и «Магнолия», журнале «Мир востока» (Краснодар), в литературном Интернет-журнале «Новая литература», в альманахе «Из варяг в греки» и других литературных изданиях. По профессии – историк. Занимается научно-исследовательской деятельностью.

Прозаик, поэт, хайдзин. Автор сборников рассказов «Беседа над разрушенным городом», «Сны Великого Свободного», «Сказки гробовщика». Выпустил поэтический сборник «Путешествие манихей». Опубликовал сборник «Сакура в берёзовой роще», выполненный в жанре хайбуна.

Случай в прикладбищенском магазине

Люди шли через Всесвятское кладбище города Краснодара с сумками и авоськами. Обойдя Вечный огонь, они скрывались в просветах каменной стены. В зимних сумерках одежда и лица людей казались пепельными.

Становилось темнее, и люди сделались похожи на движущиеся тёмные пятна. Одно из них приблизилось к дверям продуктового магазина. По очертаниям продавщица Света приняла его за молоджавого пенсионера.

Каково же было её изумление, когда оказалось, что, кроме очертаний, у этой фигуры, собственно говоря, ничего и нет. Она оказалась колышущейся серой тенью с такой же тенью авоськи.

«Привидение! Не может быть!» – подумала Света, округляя глаза. «Гражданочка, а водка по рубль сорок есть?» – прошелестел тем временем сумеречный гость. Света почувствовала, что очень утомилась и, пожалуй, на минутку отключится. Она закрыла глаза.

Открыв их, продавщица ужаснулась. Серая тень терпеливо маячила перед ней. «Да, работу пора менять», – громко сказала Света и зажмурилась. «Ну и меняйте, гражданочка! Не место в торговле таким хамкам. Я буду жаловаться!» – прошелестел призрак со змеиной интонацией. Потом горделиво повернулся и скользнул за дверь. Дверь тихо щелкнула.

Этот вечер Света доработала на автопилоте. Потом неделю провалялась больная. Работу всё-таки пришлось оставить.

Современный интеллигент

Современный русский интеллигент подобен приговорённому к смерти. Перед казнью ему предлагают последний в жизни обед. На столе живописно расставлены блюда с полусгнившими яблоками, сморщенными заплесневелыми оливками. Маленькие кусочки мяса явно отобраны у собак на помойке.

Интеллигент обречён. Обречён провести время, оставшееся до смерти, активно и с пользой. Он будет выискивать среди съестного хоть что-то пригодное в пищу. Правда, сама еда много времени не займёт. Кусочек яблочка, одна - две оливки. Если интеллигент не брезгливый, то и мяса попробует.

В поданном мясе есть нечто антропологическое. Ведь это будет мясо другого интеллигента, казнённого чуть раньше. Власти практичны. У них всё в дело идёт. Так что пред смертью есть лишний повод развлечься. Представить себя могучим воином древнего племени, пожирающим злейшего врага.

Ну, а потом сама казнь. Интеллигента помещают в герметично закрытую камеру и выкачивают из неё воздух. Откачивают гигантским пылесосом. Вместе с воздухом улетают мелкие вещи, книги и последние деньги.

А интеллигент остаётся. Корчась, он повисает в почти безвоздушном пространстве. Через специальный иллюминатор за ним наблюдают благонаравные чиновники. Они помогают интеллигенту уйти с миром. Мягко журят его за неумение накапливать воздух в лёгких. Обещают помощь и быстрое избавление от страданий.

Пакетик

Осень

Ползёт по асфальту
Пустой пакетик.
Осенний вечер.

Тихо шуршит
Под витриной пакетик.
Осенняя ночь.

Новый год.
Парит над улицей
Бодрый пакетик.
Новый год скоро.

Над пустым двором
Пролетел пакетик.
Конец года.

Весна

Прошуршал под колесами,
К девушке подлетая,
Яркий пакетик.

Над рельсами порхает
Белый пакетик.
Апрельский ветер.

На цветущей ветке
Не может уgomониться
Пакетик розовый.

Лето

По пустому двору
Скачет пакетик.
Летнее ненастье.

На мосту
Вкатали в асфальт
Рванный пакетик.

На стылой земле
Дождь замерзает.
Пакетик на рельсах.

На ветке
Шуршит тревожно
Белый пакетик.
Ветер
Который день.

Замер, повиснув
На кривом пне,
Белый пакетик.
Солнца нет.
Утих ветер.

На болоте есть маленький островок.
На нём поставлено странное сооруже-
ние из стеклянных трубок. Оно
стоит там недавно. Неизвестно,
кто его соорудил. И зачем. Стоит
подуть ветерку, и он исчезнет.

Уходим,
Ничего не поняв.
Наша жизнь.

Молчаливая стая

Молчаливая стая
Плывёт в перекошенном небе.
Где ударами ветра
Сгоняют в загон облака.
Неуклонной вперёд –
В трепетанье вечернего света.
От звезды до звезды
В неизведанный вольный простор.

Оторвавшись от чёрной воды,
Что хватает за брюхо
Хрупко-липким холодным ледком
И бесплодною стынью глубин –
Взлёт тяжелый и призрачный.
В мутной бутылке тумана.
И скользить за лучом,
Что уходит,
Маня на свой путь.

Ползу вверх
На башню молчания,
Похожую на нефтяную вышку.
Царапая «Жил-был Вася»
На ржавых горячих ступеньках,
С которых сыплется ржавчина,
Где топчутся по рукам и затылкам.

Ползу вверх
На раскалённую сталью
Маленькую пустую площадку.
Где белеют кости.

Едва долетает
Запах костра.
Дрога шумит.
Уже стёк
За горы закат.

На льдинке посредине
С веслом снеговик.
Всё меньше и меньше
Времени.
Ярко светит
Солнце весною.

Краснодар

Демисезонные строки
из пастушьей сумки

(вставки)

Март. Погода давно сорвалась с цепи, но упрямство требует от нас вести отсчёт Весны с 1 марта до 1 июня любого года. Зацвели едкие лютики. Как и мой отец, когда-то подарил маме букетик полевых фиалок, так и я несу тебе цветы. Знаешь Л.*, едва ли родная листва переживёт начало Весны... пьянит.

**О ней.* Свободные мазки
и стуски краски:
лёгкий кружевной воротничок рифмуется с силуэтом
гор,
острый носик зарифмован с морковью.

Апрель. Письмо без адресата

И теперь, и века назад нас радуют трепетные листья: так, среди ветвей ясеня могут порой отыскаться и шум моря, и девичье щебетанье, и облако – дыханье ветра. Они все сплетаются в тугую крону над головой прохожего, который непременно опишет тебе всё это лишь для того, чтобы сказать, что любит... Л.

Май. Звучащее “Л.” надомной. Ван Гог сплетает краски в причудливые косы на твоей голове.

Да, выходит так витиевато. Многие живут по принципу: плохо всё то, что непонятно, забывая, что нельзя разгадать чужую душу, можно лишь заставить в это поверить.

А труженица-улитка с лабиринтом на горбу неспешна: что ей до моих страстей.

Июнь. Росное утро. Буруны времени сокрыты камышом. Облако спускается на землю, и только камыш выдаёт близость воды, да туман над Рекой.

И тайны сочатся сквозь щели в полу...

* * *

- Не так сложно убить кощea или какое-другое чудище, куда труднее выбраться из лабиринта, который построили мы, Л.

Июль. Дивной птицей заливается жаба в канаве. Напевы о заведомо невозможном мире: немного жаль тех вещей, о которых не помечтаешь уже.

Скоропостижные строки.

Клеть для рыб на веранде над головою. Жёлтая бабочка – чёрная оборка по кромке крыла – порхает над ними. Злобно-тоскливое море, сплунет сейчас то, что скопилось на дне. Сидя в плетёном кресле, весело смотрю на него.

Рябь. Вот женщины в нарисованных одеждах беззаботно бредут, их жизненная позиция ясна, как тень: аборт – во имя светлых дней.

Птичий гвалт, птичий свал.

Вороны: “Кар! Карьер! Карьера! Кар!”

Новая волна выносит, и ветер доносит:

- Значит... понимаешь... у нас... имеет место быть... это самое... короче... мы, вот... как бы, в очень сильном шоке, типа...

Отвечаю: “Ага”.

Грибница иронии всё разъедает, разъединит и нас.

Видится. Наше прошлое.

* * *

- Знаешь Л., Минотавр почти не сопротивлялся...

Август – осиная пора. Мысли – густые стаи воробьёв.

Начало августа. Все сроки подошли: в полях горят костры – крестьяне жгут стерню. Выношу с поля спелые строки.

Апории Филиппыча

(Скромное обаяние придурковатости)

«Хорошая у меня собака», – думал Филипп Филиппыч.

«Хороший у меня Филипп Филиппыч», – думала собака. Филипп Филиппыч был очень смелым человеком.

Например, вчера он не побоялся признаться в собственной трусости.

Однажды Филипп Филиппычу сказали, что его голова пуста.

– Пуста, а звенит, – возразил Филипп Филиппыч.

Зарплата Филипп Филиппыча возросла в 0,5 раза.

В предыдущем месяце она составляла 100 рублей. «Сколько же она составит в следующем? – любопытствовал на досуге Филипп Филиппыч». В кассе же ему выдали на руки всего полтинник. «Как же так?! Ведь 50 меньше ста. Как же она смогла так возрасти с ущербом для меня?», – не понимал великую бухгалтерскую мудрость Филипп Филиппыч и больше не огорчался, когда начальство грозилось понизить оклад. Филипп Филиппыч любил краткость, но все говорили:

– Как длинны твои речи и как толсты твои книги.

Тогда Филипп Филиппыч полюбил многословие, но позже заметил, что его вовсе перестали слышать.

Филипп Филиппыч вечно опаздывал. Даже когда ему подарили велосипед. Потом он купил автомобиль, но тоже не смог вовремя приехать на работу и важные встречи. И если бы знакомый олигарх, как и обещал, предложил бы Филиппычу сверхскоростной самолет, то и он бы не исправил сей порок. «Опоздание не зависит от скорости перемещения», – сделал вывод Филипп Филиппыч и вообще перестал ходить на работу и куда-либо спешить.

Однажды Филипп Филиппыч не мог понять, что борльше 1м или 1 см.

– 1 м = 100 см. Единица меньше ста, – вслух рассуждал он. – Значит, метр меньше сантиметра.

– Ну глуп ты, Филиппыч, – вмешалась в спор его жена. Если 1 м = 100 см, то это говорит, что метр и сантиметр одно и то же. Иначе зачем нужно было ставить между ними знак

Все помыслы оуклились давно.

Так мягко ступать по семечковой шелухе, и так жёстко спать на чешуе гречихи. Вёртки ветерки гнетут траву к земле, меня... к тебе.

Сентябрь. Первая осенняя строка – слеза по кромке века. Закрытие сезона. Продали арбузы и девушку, торгующую ими. Девичье щебетанье упорхнуло, выцвела улыбка на её лице. Брови с изломом. Ветер иссушит зеницы на твоей заре. Вырастешь и станешь чей-то куклой...

Почему так несчастливы женщины, населяющие строки эти – Надежда, Любовь, Мжичка и другие, безымянные? Ради Возлюбленной, чей ускользящий от памяти образ прошёл через сердце всех мужчин моего рода. Память.

Стыдно сказать, Л., но я смотрел на тебя, словно хотел заглянуть под одежду: рассматривал две родинки на твоей шее. И нежность переполняла меня, хотелось наклониться к тебе и поцеловать.

Октябрь. Слышащий лес и зрячее поле. Цветение грибов. Священный тёплый хлеб обратился чёрствой коркой. Поветрие среди мух, мошка становится на крыло. Кривополянье. Страну охватил потрясающий озноб, и цесаревич Алексей начертал в своём дневнике: “Когда я стану царём, не будет бедных и несчастных. Что-то затынулся Октябрь за окном – только круги по воде от разбившихся капель”.

Л., или как бы тебя не звали для других, твой синоним всегда Любовь.

Ноябрь. Сквозь невесомый дождь пробиваются лучи заходящего солнца, покрывают оконные стёкла и предметы охристой размывкой, от чего моя комната кажется старше. Я стою в дверном проёме и не решаюсь войти, чтобы не спугнуть мгу.

Если Октябрь о наболевшем, то Ноябрь о выболевшем.

Л., ты пронизываешь мою историю, как Беатриче “Комедии”.

Декабрь – пора. Красный и зелёный в это время года – отставные цвета. Наше грядущее бредит ими - Весну предрекает.

Жёлтые глаза с чёрным зрачком похожие на подсолнух, устремляются вверх: молитвенно сложены наши ладони. Но речь не о них.

Какая-то невнятная тень проскользнула между мной и тобой, или я это придумал, и всё лишь на бумаге? Чуть обожди, не торопите меня, я сам во всём сознаюсь, расскажу для чего, в конце концов, пишу, ну ещё немного (вдох-выдох), так лучше. Всё! Слушайте, вернее, смотри, а впрочем, если хотите, обоняйте, осязайте, пробуйте на вкус, вот. К чему я медлю? А Вы сами попробуйте. Не получается? Ну, тогда я первый. Начну:

- Не обижайся, прошу. На экранах мониторов, в печати не так, здесь иная правда и только истина остаётся одинока, пойми. Надо изъясняться проще, прости. Право, я не знаю чем закончится эта история в жизни, но в той её части, которая ограничена листом бумаги, всё предreshено: я уже написал последнее слово, оно возникло в часы отчаянья, ещё раз прости, если не так...

Январь. “Лирика”.

Тебе не суждено умереть со скуки, старость придёт незаметно: и ныне твоя жизнь по-старушечьи безвкусная, а завтра... Жаль только, что я не картонный герой.

Пусть я окажусь не прав, позволь ошибиться, [полушёпотом] хотя бы в этот раз.

Февраль. Любовь без взаимности подобна похмелью...

Март. А.

Мартусенко

равенства?

Филипп Филиппыч любил задавать вопросы, но почему-то на каждый вопрос получал не то, что хотел.

Например, вчера хотелось ему гусочки, а он получал курочку, позавчера хотел водочки. а получил яблочко. Но как-то раз он получил по морде и перестал задавать вопросы.

По правде сказать, он давно хотел это получить, но стеснялся спросить.

Вчера Филипп Филиппыч услышал, что на его город движется северный циклон.

– Но, – почесал лоб Филипп Филиппыч, – если циклон движется с севера, значит он движется на юг. А если он движется на юг, то он уже не северный, а южный. Однако же, если циклон таким образом стал южным, то не станет ли он двигаться на север?

Так, пользуясь логикой, Филипп Филиппыч доказал, что любой циклон вообще никуда не движется. Более того, силой ума любое событие можно повернуть вспять.

– Да и сами циклоны придумали синоптики, чтобы пугать честных людей, – единственный раз согласилась с мужем жена, тем не менее проверив, на месте ли ее зонт.

Однажды жена Филипп Филиппыча читалась модной философией и стала применять ее на практике. Сядет бывало Филипп Филиппыч за стол, а жена ему:

– Есть – значит голодать.

Станет бранить жену за то, что не разбудила его на работу, а та в ответ:

– Знать – значит забывать.

И никак не мог ее Филипп Филиппыч проучить. «Может быть, сковородкой, – отчаивался в сердцах Филиппыч, – но как-то не модно и не по-философски».

Иван КАРПАСЕВ

Иван Кротов

Краснодарский край, город Гулькевичи. Создал и 16 лет руковожу клубом «Ладомир», объединяющим местных писателей, художников и ролевиков. Пишу давно, преимущественно прозу (фантастику). Большая часть стихотворений – верлибры и трёхстишия (хайкай). Печатался в краевых изданиях, журналах «Fenestro», «Asa», «Мансарда» (Санкт-Петербург). Выпускаю альманахи «Ладомир» и «Микролит». Занимаюсь созданием настольных игр и плетением кольчуг. Призёр 4-го международного конкурса хайку на русском языке 2011 г.

Сиджо

(это такие корейские трёхстишия,
горизонтально очень длинные)

Туман стирает озеро и лес; куст камыша,
далёкий шум мотора; наверное, вот-вот
сотрёт меня... останется лишь серп луны.

* * *

Старый город похож на неспешно плывущий
через события и факты корабль-хроноход,
оставляющий временных пассажиров в портах эпох...

* * *

Метафизический ветер - кутаются в пальто
бородатые мудрецы, высматривая такси...
просветлённый бомж снисходительно улыбнётся им вслед.

* * *

Позабытый камень с горделивым профилем,
в стороне от моря, украшен раковиной,
бледной, как отрезанное ухо Винсента...

Сиджо/чучхе

Конец гуманитарной миссии

Корейский мальчик соьёт из рогатки
Американский спутник-шпион над фанзой...
Заплачет девушка-оператор, не понимая: за что?

* * *

Ким Кимыч, поглаживая секретаршу,
Глянет с тоской в окно поезда «Светлый путь»:
«Клятые москали! Опять зажали хлеб для народа!»

Дрёма* Ким Кимыча

В полях зеленеют колхозники – без риса;
В небе кружат воины – без самолетов...
В ужасе очнулся Ким, подумав: «А зачем тогда вождь?»
*Ким Кимыч не спит – думает о народе.

Рубаи

В твоих глазах горит то ненависть, то страсть.
В них скрыта бездна. Я хочу в неё упасть.
И воспарить оттуда к новым небесам...
И царствовать. Или – совсем пропасть!

* * *

Давно известно: миром правит ложь.
Коль не обманешь – дня не проживёшь!
Но истину презрев, тебе я верю снова:
О, милая! Ты так красиво лжёшь!

* * *

Что любовь твоя? – Лишь небольшой эпизод!
Мимолётный, забавный, пустой эпизод.
Отчего же забыть не могу я тебя?
Сам себя обманул и сказал: “Эпизод”...

* * *

В жизни быстрой нельзя ничего удержать –
Миг счастливый не в силах и я задержать.
И любовь отпускаю, как вольную птицу,
Я спокойно утраты приму благодать.

* * *

По крупинкам любовь я свою перебрал,
И печалью наполнился ночи фиал.
Но, испив эту чашу, я понял неожиданно,
Что прекраснее в жизни напитка не знал.

* * *

Мудрец пророчит: “Не ищи любви!”
Ослы бормочут: “В мире нет любви!”
Но счастлив только тот упрямец,
Что тратил время в поисках любви.

ЧЁРНЫЙ КВАДРАТ

Страшное
<стёрто>
Хорошее
<забыто>
Умное
<не нужно>
Героическое
<не к месту>
Доброе
<засмеют>

Светлана Савицкая

Арктика разжала по весне леденящие челюсти, недоверчиво выпуская редкие корабли полюбоваться неровными белоснежными зубами береговых скал. Не лучами - лазерами выжигая последний страх, солнце импульсами неудержимой свободы проникало сквозь кожу и мышцы до костей и пульсировало по артериям сердца. Освободившись из-под моросящего занавеса Ленинграда, черно-синий океан, увлекающий движением валов-громадин, позволял себя гладить и, наверное, укрощать радужно-белым снежинкам, непонятно каким образом, и от какой-такой тучи просачивающимся сквозь ослепительное солнечное сито.

Справа от корабля вышел на поверхность кит, совсем рядом поднялся и застыл. Снежинки таяли на нем. От тела шел пар.

- Он - живой! - осенила Володю первая мысль, - Он теплый!

Черный огромный монстр, действительные размеры которого угадывала только душа, походил на борт ноздреватой резиновой лодки.

- Сколько ему лет? - подумал Володя, - Целая вечность!

Маленький внимательный глаз млекопитающего буквально сканировал душу человека. Целую минуту, как в невероятном сне, они общались.

- Здесь я хозяин! - достаточно внятно подумал кит. И мысль его была так же очевидна Володе, как понимало его сердце в Арктике мощные солнечные потоки.

- Я пришел только посмотреть, - подумал Володя, - я журналист. Я ничего тебе плохого не сделаю.

- Смотри, - великодушно поверил кит мыслям человека, ухмыльнулся одним глазом: они насмешили его. - Но осторожно. Ты слаб. Ты не справишься один. У тебя нет запаса жира, как у меня. Ты не умеешь плавать. Тебя съедят хищные рыбы. Ты замерзнешь. Тебя раздавят льды. Это опасное место. Погуляй немного и возвращайся.

- Я на крепком корабле, - возразил человек. - Я разучился бояться. И... я свободен!

- Это не твой корабль! Это моя игрушка! И, если ты считаешь, что свободен, опиши наш разговор! Попробуй сказать правду! - Океанский гигант фыркнул, точно засмеялся, чуть-чуть привалился к посудине плавником, легонько демонстрируя силу, и Володя еле устоял на ногах, так его качнуло.

- Твои плавники - это руки? - удивился Володя от неожиданного открытия, вцепился в поручень.

А кит погрузился вниз. Наверное, очень глубоко. Внутри водяных толщ лягнуло, гулко скрипнуло, а потом зашелохало точно якорной цепью по палубе: это хозяин морских глубин что-то ответил по-своему, по-китиному. Но человек решил, что животное, гораздо превышающее размерами корабль, нашло потерянную ось земли и развернуло ее на ржавой резьбе в противоположную сторону света.

Володя заметался по палубе в надежде увидеть чудо еще раз. Куда там! Тщетно! Только корабль, как бумажный, раскачивался по успокаивающейся «луже».

Уже в каюте, доказывая боцману, что только что как бы говорил с китом, озадачив усатого дядьку не на шутку, он достал тетрадь и записал несколько строк для газеты. Но вот на поверку, построчно получалось, что кит прав: две пишем - три в уме!

Работая спецкором, Володя никогда не выдавал того, что потрясало в экспедициях на самом деле - собственных ощущений. Его не оставалось в кадре «социалистической реальности». Для полосного разворота было достаточно: кто-где-когда и сколько. Температура за бортом. Населенные пункты. Маяки...

А как хотелось! До берега два дня. Так сказал боцман. А фактуры для «вошебойки» предостаточно. Благо на северном судне есть небольшая библиотека.

И, вытянув ноги, от завтрака до обеда и от обеда до ужина, он в который раз принялся читать об озере капитана Гранта, о Следопыте на берегах Онтарио Джеймса Фенимора Купера, о таинственном острове Жюль Верна. Научится ли он так писать?

Душевно забираясь под ребра, пело радио: «Четвертый день пурга качается над Диксоном,

Но только ты об этом лучше песню распроси...»

Интересно, а можно ли на самом деле распросить песню? Она что? Живая?

Он ходил по Севморпути на «писательском» корабле, жил в каюте, где в свое время набирался впечатлений Константин Симонов.

Время звенело, застыл, как и это северное судно, заторможенно-приятно. Как любил он эти минуты и ждал их. Вся жизнь до моря шла как-то «поперек шерсти». Быстро, так быстро, что можно было о ней сказать - неосознанно быстро, потому как некогда было просто остановиться. Подумать. Прочувствовать. Решить самому без громких агиток радио и тихих нашептываний родных и близких. И приходилось жить, жить, жить, работать, работать, работать, между жизнью и работой быстро есть, спать и снова - жить-работать - есть, спать, в заколдованном круге беспрерывно перелистывать час за часом, день за днем, месяц за месяцем, год за го-

ЗОЛОТОЙ ОБРЕЗ

(ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ)

Посвящается моему другу писателю Володе Моргану и его Музе Татьяне с любовью.

дом... а дальше что, когда дочитает до корочки?

Может, все-таки, пока он здесь на зыбко ошутимой линии между морем и небом, вспомнить все с самого начала?

Только заниматься мемуаристикой не хотелось. Мысли, как жизнь, то перебирали слоями пододеяльники прожитых снов, год, два, три, и отмечали где-то про себя: «Пододеяльники!» Это ночи. А вот скатерти! Это дни. А дальше шкафы - это месяцы. А потом квартиры - это годы. А потом пятилетки - это города.... То внезапно, углядев пятнышко, останавливались его мысли на каком-то эпизоде и начинали смаковать детально, болезненно, как бы освободив от кожи иллюзий юношеского максимализма. Ах, это пятнышко на безупречном холсте биографии было поставлено ах... как не кстати и не вовремя... Как жаль. Как жаль! А как же случилось?

И пошло-поехало. И уже не до лет, не до месяцев и не до дней. Секунды и минуты, как лом, раскатанный в фольгу, тонул в океане мыслей медленно-медленно. И это вот желание: осознать неравномерные скачки времени было на самом деле единственным тогда, ведь, как ни крути, а странно все в жизни происходило. То пылыло оно вместе с кораблем, то у него отрастали крылья, и летело время над сушей без оглядки. Но вот в чем парадокс! Когда проживалось это время трудно и долго, то вспоминалось оптом - всей стопкой тех самых пододеяльников или шкафов, или квартир, или ломов, связанных в узел и моментально шедших на дно времен.

Получалось, что лишь только море давало свободу мыслей, осознанности, обдуманности, зрелости. Необычные образы рождали нестандартные мысли. Но как? Скажите вы, ради Бога, как в три строчки обязательных новостей вместить вот эту объемную, гигантскую минуту разговора с китом? Как передать тем, кто ждет на берегу, что внизу на корабле за ночь отросли острые зубы сосулек, и лайнер становился похожим на старого седого морского волка, точнее, дракона?

Владимир сконцентрировался и через минуту выдал в эфир: «23 июля на траверзе полуострова Диксон чуть справа по курсу нашего сухогруза «Абаканлес» из океанских глубин вдруг вынырнула горящая голубым неоновым светом огромная силлурийская льдина и сделала запрос:

-Эй, на борту! Что вы там делаете и куда идёте?!»

В кают-компании «Абаканлеса» в это время собрались все члены экипажа свободные от вахты. Шло отчетно-выборное профсоюзное собрание. И - отчет.

Радист взмолился:

-Владимир Иванович, ваши тексты идут в эфире открыто, их читают все моряки торгового и Военно-Морского флота и очень серьезные люди из штаба СевМорПути... Не могли бы вы писать ваши фразы проще?

Его полный тезка, капитан Владимир Иванович Карасёв, резанул еще круче:

- Я веду последнюю навигацию и ухожу на пенсию. Дайте мне сделать это спокойно. Моряки смеются!

Владимир возразил:

- У нас, уважаемый Владимир Иванович, в офицерской кают-компании лежит юмористический судовый журнал «Лучший морской треп на корабле». Вот пусть дежурный ежедневно переписывает туда и мои байки. Для меня это будет высокая честь.

Наверное, льдине или киту, или непонятно каким-то там глубинным или небесным силам не понравился этот разговор, а только шваркнуло о борт достаточно агрессивно, да так, что случилась пробойна. Какая-то льдинища, действительно, саданула «Абаканлес» в стальную обшивку снизу, пропоров и защитный, так называемый, «ледовый пояс». В трюм хлынула ледяная вода.

Тут поневоле вспомнишь и «Титаник» и Бога и Дьявола, и Кита заодно до кучи. Володя, как все, бросился на помощь экипажу.

И тут снова время скрутилось в жгут. Безо всяких прорезиненных комбинезонов, по пояс в режущей холодом воде, команда забивала в пробойны бревна. Моряки были удивлены тому, как мощно и без усталости работал журналист тяжелой кувалдой, а потом с каким смаком и радостью о случившемся и о том, как отогревались в кают-компании крепким чаем с медицинским спиртом из судового госпиталя, описывал всё это в своих репортажах.

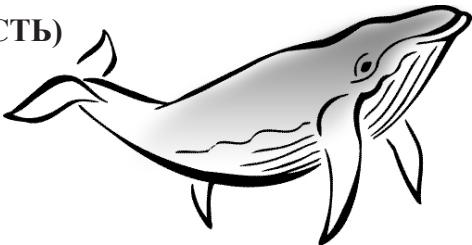
Не раз и потом, и раньше удавалось увидеть медведей.

По громкоговорящей судовой системе раздавался голос вахтенного с капитанского мостика:

- Внимание членам экипажа! С правого борта имеем белого медведя. Желющие пообщаться могут пройти на место встречи!

Или:

- У левого борта требует внимания моря-

ков медведица с двумя медвежатами!

Ну как не написать об этом или о том, какое непривычное, магическое, завораживающее впечатление оказывает на человека вид ледокола-атомохода. На них нет труб с дымовыми выхлопами, ледоколы идут сквозь льды, взламывая их безо всякого напряжения. Ну а уж в описаниях всполохов Северного сияния он превзошёл картины самого Роккуэла Кента!

Моряки из их каравана транспортировали Володю с корабля на корабль вертолётом, чтобы посмотреть «вживую», как на чудо. Писатель побывал и на атомоходах.

После возвращения из «кругосветного ледового» рейса Владимира Ивановича чехвостили в хвост и в гриву на редакционном совещании.

Он буркнул:

- Моряки - романтики. И нечего превращать их труд в коммерческую рутину!

Ленинград встречал накурненным смогом редакции.

- О! Дальнбойщики прибыли! - хмыкнул Аслан.

Володя звал его «Козлан» за то, что сидя на стабильной «зряплате», вдвое моложе его папан, естественно, член партии, выдавал в месяц по пять-шесть строчек новостей, силась и тужась, после чего над этим «барахлом» трудились еще технический редактор и редактор литературный, «главвред», три корректора, но на полосе ошибки бездара все равно стабильно просачивались. И никто не думал увольнять это «чудо света», поскольку волосатая рука дяди поддерживала незримо его чуть ли не из Кремля!

Володю же, как очеркиста, гоняли по «солнечным курортам», после которых три дня, как левиту долю, отдай часть жизни под процент, а положи на стол семь-десять страниц «добротного материала». Его творческого дыхания на это хватало. А вот на «кита» уже нет. Потому что два-три дня бесперывного труда при полном питании в виде заварных пирожных, просто крема для тортов и кофе, кофе - море разливанное - выбивало мозг. После сдачи материала Володя затихал, отсыпался тоже дня три. Поэтому и не писал ни повестей, ни романов. Серию очерков, серию рассказов, но никак не окольцованные большие художественные формы.

С личной жизнью постигала та же участь. «Хорошее дело браком не назовут», - отшучивался он.

Ленинград встречал и белыми ночами тоже. Что в них загадочного? Муть и серь! Его новое задание - Московский вокзал, забит приезжающими, отъезжающими... Узкая лестница на второй этаж к билетным кассам. Володя перешагивает через спящих грязных людей. Странно, откуда они взялись? Милиция не смотрит что ли за тунеядцами?

Записал в тетрадь несколько строк.

Пока был в плавании, что-то здесь сильно переменялось. Что? Народ, как очумелый, стоит в очередях за яйцами, стиральным порошком, спиртным, мылом. Теперь это выдают на талоны. Зачем людям столько мыла? Сумасшедшие! Либо это провокация. Либо что-то серьезное грядет.

По ТВ коллеги Невзоров, чуть с хрипотцой, ухмыляясь, дерзко рассказывает в своей передаче «600 секунд», как мерзко здесь, оказывается жить.

Кит повернул планету или не кит, но неразбериха гудела вокруг встревоженным ульем. Володя пристроился в хвост очереди, выходящей далеко из универсама. Попался на фразу:

- Масло дают. И, если повезет, мясо...

Очередь тихо, интеллигентно, еще поленинградски беседует. Одна дама другой:

- Вчера нам, как многодетным, посылок из Гамбурга выдавали по удостоверениям. Желтые такие. Надо же, молодцы немцы! И вы сходите. Всем дают. Там сахар просто необыкновенный. И шоколад с орешками! И мука! Наверное, они считают, что мы тут с голодухи пухнем. Я им тоже решила по адресу посылку собрать. Только адрес обратный мне не дали...

С другого конца чинно беседовали мужчины:

- Наш Сахаров, он же Сахаревич, он же Цукерман в Израиль иммигрировал. Наверное, скоро в Ленинграде останется одна только еврейка. Аврора Крейсер...

С другой стороны доносилась частушка:

- Хорошо, что Ю. Гагарин не еврей и не татарин, не какой-нибудь чучек, а наш советский человек...

Совсем рядом, громким шепотом бабулька горбатому деду присвистывала сквозь вставленную челюсть:

- Сразу заходим. Ты иди в мясной. А я - в молочный. Блокадникам положено без чере-

ди! А в войну-то, помню, и человеческое мясо люди ели. На рынок идешь и боишься, вдруг попадет! А человеческое, оно такое же, как у свиньи. Жирок по краю. Сало. Только налет на нем сероватый, металлический. И сладкое оно. Тем и отличали...

Владимир оглянулся. Увидел рядом родную тетку и живо представил ее своим писательским воображением в разрезе с жирком...

Затошнило. Закачало.

Он глянул на часы, прикинул по времени, сколько простоят в хвосте. Пересчитал пенсионеров и предполагаемых льготников, решил, что мяса все равно на всех блатных не хватит, и полпелся к Таврическому.

Отметил где-то про себя, там, на том свете своего существа, что вот и опять попал он в свою стопку пододеяльников.

Сквозь облака обозначилось где-то солнце. Володя усмехнулся: в Арктике долгая ночь. В Арктике долгий день. А здесь, в Ленинграде - вся жизнь сплошняком, как сумрачный год под серой истлевшей блокадной тлюю.

В подтверждение его слов с залива резко подул туберкулезно-пронизывающий ветер. Закашлялы тонзиллитные прохожие. Зябко зевнула и передернула шкуркой тощая собачонка на поводке, привязанном к кованному замысловатому заборчику. Пыльная трава в редких квадратах у деревьев, пригнула длинные заячьи уши, не желая расставаться с липкой суспензией, которой посыпали дороги от весны до весны. А из подвалов потянуло вековой сыростью, и стойким, никогда не выветриваемым здесь, кошачьим пометом.

От серой немислимой тоски взор Владимира взметнулся к небу, где ветер быстро и всегда одинаково размалевывал акварель за акварелью, пользуясь вместо гризали только размытою «газовой сажой».

Из открытого окна донеслась песня Цоя: - В нашем смехе и в наших слезах, и в пульсации вен... Перемен, мы ждем перемен...

Владимир проходил мимо одинаковых каменных домов, выстроенных квадратными мешками, где нет ни деревьев, ни трав, а только мешок в мешке, в асфальте и камне. Ими всегда гордился за грустную поэтичность вечно спящий, но несмотря на это, почему-то революционный северный город.

- Ленингрррррад! Ленингрррррад! Я еще не хочу умирать! - откуда-то пела Алла Пугачева на манер Эдит Пиаф, раскатывая p-p-p-r-p-r «в фольгу».

Но вот дышать стало как бы полегче. Сначала показался бульварчик, называемый ленинградцами Таврическим садом со старинными вязами и стриженной травкой на манер европейским стридам.

Это во время революции в Таврическом дворце проходили съезды. А в девяностые - роскошный Дом Просвещения, где регулярно устраивались «творческие» семинары для журналистов Ленинграда. Под расписку о явке.

Володя глянул на часы. Еще есть время. Узрел плакат на стене. Записал в тетрадь для будущего репортажа:

«Стахович А. Как и кого выбирать в Государственную Думу. Что такое партийные выборы?. — М.: Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1907. «Что требовать от избранника в Государственную Думу? Выше я говорил уже в конце о том, как много народ должен требовать от своих избранников в Государственную Думу. Остановлюсь сейчас на этом несколько подробнее. Конечно, прежде всего будущий член Думы должен хорошо знать нужды всех тех, кто его выбирает, т.е. большинства народа — крестьян и рабочих; быть человеком честным, неколебимо твердых, стойких убеждений, который всем сердцем и душою постоял бы за крестьянские нужды — не выдал их. Не менее важно, если не важнее еще, чтобы избранник мог вполне сознательно относиться к будущей своей законодательной работе в Государственной Думе. Первые условия никак не должны идти в ущерб второго....»

На эстраду вышел боевитый молодой представитель обкома-райполкома в белой сорочке с засученными рукавами. Начал речь, более похожую на агитацию бросить Союз и дернуть за границу.

Журналисты устроились на галерке. И на словах:

-У них там никто не ворует!

Кто-то рядом выкрикнул реплику:

-Потому что у них всё есть и по приемлемой цене.

-Нет, потому что они там трудятся с полной отдачей!

С галёрки снова донеслось:

- Потому что у них нещадная конкуренция и потогонная система.

Лектор:

-Ну, я вообще не знаю, как это работать и не потеть!

С галёрки:

-А как насчёт мечты человечества о свободном труде?

Он:

- А вы там на галёрке, встаньте, покажите, что там такой умный?! Имя. Фамилия. Где работаете?

Прогуливаясь после таких обязательных семинаров по бульвару-Таврическому саду, Володя хмурился. Все думал.

Продолжение читайте на сайте www.perorusi.ru/s

ДРУИД

почти святочная история длиной в год

В середине декабря в городе появились ёлочные базарчики. Свежесрубленные ели, сосны и пихты продавались прямо на улицах, в таких местах, где мимо них нельзя было пройти. Горожане замечали, что ёлочные базарчики появились в этом году слишком рано. Но они всегда появлялись именно в это время, просто год слишком быстро проходил.

Последние несколько лет Кирилл не покупал ни ёлок, ни сосен, хотя очень любил новогодние праздники. Он стал противником ежегодной бессмысленной вырубki хвойных деревьев, но в убеждённости своей оставался одинок и не мог повлиять ни на кого из друзей или родственников.

Наступление нового года он отпраздновал с друзьями. Это была обычная новогодняя вечеринка с праздничным столом и танцами возле разряженной ёлки. Втайне Кирилл получал удовольствие от украшенной лесной красавицы, к покупке и убийству которой не имел прямого отношения. Ночью, как по заказу, выпал первый снег, после двенадцатого удара курантов все выпили шампанского и побежали на улицу играть в снежки и запускать заготовленные петарды и ракеты.

Где-то в шестом часу утра закончили празднование и разошлись. Кирилл шёл домой, слушая скрип снега под ногами, и не верилось, что за ночь столько намело. Улица была безлюдной, и если бы не две дорожки следов на белом тротуаре, он бы подумал, что одинок в этой снежной пустыне.

Многие окна ещё светились, слышалась весёлая музыка. Взглянув на небо, Кирилл увидел, что оно прояснилось, в прозрачном морозном воздухе ярко сияла луна, а облака были густого молочного цвета, и ему подумалось, что новогоднее небо больше похоже на весеннее, чем на зимнее.

В середине пути он поравнялся с ёлочным базарчиком. В предновогодние дни он часто здесь проходил. Один раз, из любопытства, спросил, почём и откуда ели, но покупать их не собирався.

На базарчике всегда толпились люди, на ночь оставался охранник, но сейчас базар пред ним покинутым, кругом валялись припорошенные снегом ёлки. Бери-выбирай любую; ёлок осталось так много, словно их собирались продавать ещё месяц.

Базарчик напоминал поле боя. Несколько стогов с соснами, елями, пихтами, собранные у подножия росших вдоль улицы могучих платанов и тополей, и хаотично лежащие на земле ёлочки, походившие на павших солдат. Кирилл оглядывался в поисках охранника, но, если охранник даже и остался где-то здесь на ночь, то, скорее всего, лежал после праздничных возлияний, как брошенные деревца, только в более тёплом месте.

Соблазн прихватить домой ёлку был велик, но совесть останавливала Кирилла. Нет, его смущало не то, что он украдёт ёлку, — хотя и это тоже... Не хотелось поступить по принципам. Он успокаивал себя тем, что деревья всё равно увезут на следующий день отсюда, и, в лучшем случае, используют в качестве топлива. К тому же, если взять ёлку сейчас, это не заставит торговцев вместо исчезнувшей ёлки заказывать ещё одну — ведь продажа их уже закончилась, и он своими деньгами не простимулирует ёлочных браконьеров.

Почувствовав уверенность в своей правоте, Кирилл поднял с земли пихту и, ударив стволом об землю, сбил с её веток снег. Пихта оказалась неказистой, с редкими асимметричными ветками. Он положил её на землю и взял другую. Ему хотелось взять пихту, которая простоит в квартире дольше, чем ель, и не засыплет ковёр иголками, но среди пихт не нашлось ни одной хорошенькой. Кирилл даже разозлился из-за этого на браконьеров; мало того, что они рубили деревья, так ещё и не думали, купит кто-то их или нет. Эти брошенные на базаре пихты вполне могли остаться в родном лесу и расти себе дальше...

Порывшись в хвойном стогу, он выбрал пушистую ель, и, озираясь, словно вор, понес её домой. Он шёл дворами, минуя круглосуточные магазинчики, возле которых в любое время дня и ночи крутился народ. С ёлкой, которую нужно наряжать к празднику, после того, как этот самый праздник уже закончился, чувствовал он себя неловко. Но ведь прошла всего одна ночь, впереди Рождество, да и ёлки у людей стоят до старого Нового года, а у некоторых — до февраля.

За ним никто не гнался, но чувство неловкости не покидало до самого дома. Он поднялся к себе, бросил ель в коридоре и пошёл спать.

Кириллу снились его друзья и другие гости. Они пили шампанское, танцевали в полумраке, освещаемом разноцветными огоньками ёлочной гирлянды. В тесном лифте спускались на улицу и, разбившись на команды, играли в снежки, запускали ракеты... В садике, возле детской площадки, Кирилл увидел росшую ёлочку. Во сне он быстро очутился возле неё, и так же быстро она оказалась в его руках, не пришлось рубить, пилить... Он нес её домой по заснеженной улице, которую освещали яркие уличные звёзды, куда-то подевался ёлочный базарчик — как дивно всё переплеталось во сне...

Проснувшись около полудня, Кирилл засомневался, что принес ёлочку домой на самом деле. Но хвойный запах ещё до того, как он на-

шёл в себе силы встать с постели, развеял сомнения. Ёлочка лежала в коридоре, там, где он её оставил — всё случилось наяву.

Кирилл установил деревце в гостиной возле окна и нарядил старыми игрушками — стеклянными золотыми шарами и оранжевыми шишками, опоясал электрогирляндой... В его доме словно появился кто-то ещё — живой, но не способный общаться, и с этим существом он проводил большую часть свободного времени. На работу Кирилл выходил в дежурном режиме, и у него оставалось много времени, которое он проводил наедине с самим собой.

Он много читал и, переосмысливая прочитанные книги, часто сидел в темноте, глядя на посверкивающую огоньками ёлку. Казалось странным, что дерево, наделённое природой острыми иголками для самозащиты, волей случая пользовалось у людей популярностью в определённые дни, когда они празднуют день рождения своего Бога, и каждый год миллионы деревьев приносили в жертву. Сотни лет существовал этот обряд, придуманный не то Мартином Лютером, не то древними германцами, и каждый год погибали на земле огромные леса, и, попадая души деревьев в нижний мир — там бы уже давно разрослись непролазные леса.

Почему так беззащитны перед человеком были хвойные? Ведь природа порой очень изобретательна. Африканские акации, когда их начинают поедать жирафы, издают сигнал тревоги для соседних деревьев, и листья тех, даже на большом расстоянии, покрываются ядовитым токсином. Для такой эволюции требуются миллионы лет; и сколько ёлок падёт от рук человека, пока эти растения найдут способ защиты? Да и проживёт ли столько людской род, с размахом уничтожающий собственную планету? Кирилл не знал.

Так размышлял он в праздничные дни, лёжа возле ёлки. Прочитанные книги лежали на ковре, сложенные в ряд, словно карты для па-сьанса, а маленькие жёлтые, красные, синие, зелёные огоньки гирлянды бегали взад и вперед по веткам наперегонки, гасли и снова вспыхивали, напоминая леденцы монпансье. Чувства Кирилла в полумраке обострялись. Однажды сквозь музыку он услышал слова: «За что? За что?». Слова боли и отчаяния звучали в его одинокой комнате, эхом отдаваясь в сердце. Он понял, что идут они из-под ёлки, из того места, где находился сруб. Поток непонятной энергии стоном выливался из раны дерева, метался по комнате, выходил наружу, в темноту зимней улицы, и устремлялся за город, в далёкий лес, где на кочке сиротливо возвышался маленький пенёк.

Мохнатое существо из леса в его комнате страдало. Страдало как живой, одушевлённый организм, смертельно раненое и нелепо украшенное убийцами... Кирилл в тот вечер заметил, что иголок под ёлкой стало больше, она начала осыпаться.

Совесть мучила его — как он поступил, танцую и фотографируясь возле убитой сосны на новогодней вечеринке у друзей, правильно ли сделал, притащив домой ель? Ведь, если отказываться от чего-то, то надо действительно отказываться...

Он продолжал слушать музыку с этническими и григорианскими напевами, читать литературу про волхвов, про кельтских и славянских друидов, смотреть на переливы цветных огоньков, мечтая о том, как прикаснётся к запретному знанию.

И однажды ему приснилось, что он стал ёлкой. Когда-то, давным-давно, он вырос от маленького семечка, попавшего в плодородную почву, удачно освещённую солнцем. С таким трудом он протискивался в землю нежные корни. Долго и упорно рос, треплемый ветрами, вытягиваясь над землёй...

Морозный, зимний вечер. Он стоит в окружении сестёр и братьев; и слышит вдруг, как останавливается машина, и к нему по снегу осторожно идут люди. Под звон топора падает первая ель — его молодая сестра, потом восьмилетний брат. Их жестоко рубят, во все стороны летят щепки. «За что, за что?» — кричат срубленные деревья, смола слёз покрывает их стволы...

Тяжёлый сон. Сон длинной с чужую, внезапно обрвавшуюся жизнь.

Ель продолжала осыпаться, и, осыпаясь в муках, кричать. Её отчаянный крик искал далёкий лес, в котором остался пенёк. Слово он, этот пенёк, мог вновь напоить её влагой и силой от вцепившихся в землю корней, влить в умирающее дерево живительную энергию...

В середине января он выкинул ёлку, пропылесосил от иголок пол. На память сохранил лишь маленький кусочек ели — тонкий спил ствола. Одна часть этого талисмана меньше месяца назад соприкасалась с пнём, тем самым пнём, который продолжал кричать в далёком лесу. Отчаянный крик не оставлял Кирилла в покое ни зимой, ни позже, когда наступила весна.

Всё свободное время он продолжал читать эзотерические книги, травники. Многие из написанного вызывало у него сомнения, кое-что он не мог понять, но постепенно пришёл к тому, что некоторые вещи открываются сами. Ведь то правдивое, истинное, что находил он в книгах, авторы брали не из других книг — они достигли своих знаний тем путём, который мог проделать и Кирилл.

Ближе к лету, когда природа расцветала, распускаясь, с ним произошли физические метаморфозы, которые сначала испугали Кирилла, потом озадачили медиков, к которым он обратился за помощью.

Руки Кирилла поначалу мучил сильный зуд, потом выпали волосы, а вместо них из пор вышли зелёные иголки. Лечащий врач сказал, что никакой мистики в этом нет, и виной все-

му клетки-паразиты. Подобные случаи, правда, очень редкие, известны медицине. Кирилл бросил работу, всё лето ходил на обследования. Очень быстро врачи выяснили, что выросшие на его теле иголки — не растительного происхождения, и что он уже не совсем человек; при мутации изменился набор хромосом, и в теле Кирилла образовались новые клетки.

Иголки легко выдёргивались из тела пинцетом, они были даже мягче, чем у обычной ели — как у можжевельника, и не причиняли боли.

Частенько он вспоминал то новогоднее утро, когда нёс домой ёлку. Он держал колючий ствол голыми руками, чтобы не запачкать смоллой новые перчатки, и хорошо исколот ладони, хотя до крови не поранился. Когда он рассказал об этом докторам, один из них, микробиолог, сказал, что всему виной — желание иметь дома ёлочку. Но Кирилл с этим не соглашался, и всех поражало его спокойствие, отсутствие обречённости.

Кирилл искренне считал, что ему не о чем сокрушаться и не следует пенять на судьбу. Иголки не доставляли большого хлопот и являлись всего лишь одним из изменений, которые произошли с ним. Главное, о чём никто не знал: он научился слышать язык деревьев. Он выходил в санаторный парк и слышал, как переговариваются между собой сосенки и пушистые голубые ели на широкой прибрежной аллее, ведущей к тёплому морю, искрящемуся в ярких лучах летнего солнца. Во время горных прогулок он слышал голоса лиственниц, предупреждавших об опасностях на крутых тропах. В ботаническом саду подслушивал, как кедровые рассказывают сказки неугомонным белкам. Однажды, жарким днём можжевельник возле фонтана предложил ему посидеть в тени своих раскидистых ветвей. Нет, Кирилл не пенял на судьбу — растения не мстили ему за то, что он взял домой срубленную ёлочку. Зелёное царство приняло его.

Он недолго пробыл в санатории. Однажды, проснувшись рано утром, решил вернуться домой. Никого не предупреждая, собрал вещи и уехал на вокзал. По дороге ему звонили, но никто особо не настаивал на возвращении в санаторий.

Дома Кирилл сразу начал встречаться с друзьями; загорал на пляже, растянувшись на песке, читал книги. Каждый вечер, на закате, выходил прогуляться в парк — там он мог вдоволь наговориться с растениями.

Часто он задавался вопросом — не происходит ли у него раздвоение сознания, не рождаются ли слышимые им голоса деревьев в каком-нибудь отдалённом участке мозга. Он не мог дать однозначного ответа — находится ли он в плену иллюзии и как эта самая иллюзия противостоит реальности. Он хотел отыскать пенёк, оставшийся от новогодней ёлочки — если по голосу найдёт его и сопоставит оставшийся на память спил, то удостоверится в реальности голосов. Но летом пенёк кричал не так громко, да и сам Кирилл никак не мог собраться, чтобы выехать из города и отыскать его.

Кирилл рассказывал о голосах знакомым и родным. Зачем скрывать то, что происходит с ним, если он стал другим даже внешне...

Он вырывал иголки из тела, но осенью перестал это делать, хотя именно осенью под тёплой одеждой иголки доставляли наибольшее неудобство. На голове у него не осталось ни одного волоса, вместо них вырос зелёный ёжик иголок, ресницы поредели, но когда он хмурил колючие хвойные брови, тех не было видно.

Кирилл старался выходить на улицу после наступления сумерек, и его душа приветствовала осеннее сокращение светлых часов. В магазинах люди испуганно смотрели на человека-ель, и он выбирался туда ночью и ненавидел подходить к кассе, если перед ней стояла очередь. Иногда он просил сходить за покупками кого-нибудь из друзей или соседей, иногда заказывал доставку товаров через интернет. С первым похолоданием он с радостью нацепил на голову шапку, надел пальто. В тёмных очках он выглядел маниакально, один раз он даже выщипал зелёные брови, заметив при этом, что вырывать иголки становится тяжелее: они всё больше и больше врастали в тело.

Осень проходила. Как слёзы, падали листья засыпающих деревьев; в ноябре город притих, и до Кирилла снова начал доноситься плач осиротевшего пня.

«Надо поехать к нему», — думал про себя Кирилл.

В начале декабря вновь зазвучали крики срубленных хвойных деревьев, и с каждым днём нарастало печальное крещендо их предсмертных стонов.

Эти голоса... Они причиняли боль, словно его самого рубили.

Каждый день, снова и снова. Потом появились ёлочные базарчики, выраставшие в самых людных местах, и Кирилл не мог мимо них ходить. Слово рабы на невольничьем рынке, стояли по обе стороны тротуара лесные красавицы, которым бы ещё расти и расти...

Кирилл пытался предотвратить вырубку леса. Он связался с журналистами популярного городского канала и дал интервью, в котором поведал о вреде, причиняемом людьми природой. Он рассказывал о ежегодно уничтожаемых лесах, о фoniaщих пнях, чьи крики раздаются долгие годы после рубки леса... Сюжеты с ним мелькали на телеканалах, и он смог привлечь к себе внимание, но всё же наибольший интерес у людей вызывали колючики, выросшие на теле человека, называющего себя друидом.

Люди покупали ёлки и сосны, в лесах рубили новые деревья, и грузовые машины везли их в город. До праздников оставалось больше недели, но Кирилл думал, что намного раньше сойдёт с ума.

Сергей Шаманов

Родился в 1975 году в Одессе. Прозаик. Член ЮРСП. Лауреат областного литературного конкурса молодых литераторов (1997, Одесса), лауреат международного конкурса прозы «Алые Паруса» (2010, Одесса). Рассказы были опубликованы в Одесской литературной антологии «Солнечное Сплетение» (Одесса), в альманахах «Южная лира» (1997, 1998), «Дерибасовская — Ришельевская» (2003), в литературных журналах «Порог» (2008, Кировград) «Дон» (2010, Ростов-на-Дону), «Южное Сияние» (2011, Одесса), в коллективном сборнике «Пространство слова. Одесса», в интернет-журналах «Аврополис», «Ликбез», «Великороссье», «Гостиная» и др.

И однажды утром, после бессонной ночи, он оделся и поехал за город. Он вышел из автобуса, когда услышал, что крик пня остался позади. Водитель остановился на полпути между двумя сёлами, названия которых Кирилл тотчас забыл; ещё в дороге он заметил, что если раньше, путешествуя, он воспринимал леса, сады и луга как расстояние между населёнными пунктами, то теперь места поселения людей стали для него промежуточными отрезками пути, а леса, сады, и луга ныне воспринимались как огромные оазисы жизни.

Просёлочная дорога местами превращалась в болото, но она приближала его к цели, и Кирилл не обращал на такую мелочь внимания.

Пока он шёл, мимо проехали несколько машин, гружёных ёлками. Увидев лесопосадку, Кирилл сошёл с дороги, вышел к полю и остановился. Здесь — понял он, оглядываясь. Фонащий пенёк находился рядом.

Прислушавшись, он легко нашёл его. Не было нужды сопоставлять кусочек дерева со стволом, но крик пня при соприкосновении со спилом даже зазвучал тише.

Кирилл почувствовал, как болят ступни, словно ботинки стали малы, и разулся. Потом снял одежду, оставшись в чём мать родила, и широко раскинув руки повернулся к дороге и далекому селу. Он начал деревенеть — ноги уходили в землю, превращаясь в корни, тело, сопротивляясь холоду, покрывалось защитной корой. Холод не причинял ему боли, а тело изменялось, и к исходу ночи, когда огоньки сельских домиков в утренней лазурной дымке можно было принять за звёзды, он полностью превратился в хвойное дерево. Непонятное хвойное дерево с толстым стволом и двумя толстыми ветками, на концах которых маленькие ответвления усеяны были иголками.

Сознание жило в нём. Он помнил старых друзей, оставленную в городе квартиру. Он воспринимал окружающий мир, видел машины, проезжающие внизу на дороге, видел размеренно живущую деревушку, что подмигивала ему окнами, и, как руками, махала дымом из труб, слышал голоса деревьев, немало повидавших на своём веку. Он стоял, словно привязанный корнями к земле. Снег покрывал руки-ветви, проходили дни. Весной в его зелёных ладонях появились шишки. Ветер разносил пыльцу и семена, и через несколько лет в округе появились молодые хвойные деревья, напоминающие человека с распростёртыми руками.

Непонятные изменения происходили и со взрослыми деревьями — елями, соснами, пихтами: у них опадали ветки, иголки, и внешне они становились похожими всё на того же человека с распростёртыми руками. Но если молодые, ещё не переросшие траву растения, не привлекали внимания, то старые ели и сосны, внезапно лишившиеся, по мнению людей, присущей им красоты, вызывали тревогу. Все эти внешние изменения сопровождалась другой бедой — у людей участились случаи аллергии на хвою, и с каждым годом их количество росло с угрожающей быстротой. Аллерген имел одну особенность — он возникал только на срубленное дерево. За считанные годы хвойные деревья стали такими же опасными, как амброзия, и количество ёлок, продаваемых под Новый год, резко сократилось. Приграничные государства вводили карантин, но природу невозможно было остановить, и вскоре изменения распространились на весь континент. Хвойные меняли внешний облик, вырабатывали аллерген; природа словно для подстраховки — защищалась от людей двумя дополняющими друг друга способами.

Изменения хвойных начали фиксировать и за океаном. А небольшое, так похожее на человека, хвойное дерево, с которого всё началось, продолжало скромно расти в лесопосадке, глядя на огоньки ближайшего села и большие огни далёкого города. Оно стояло весной, купаясь в проливных дождях, стояло летом на испепеляющей жаре. Оно продолжало стоять осенью, когда жёлтые и багряные листья деревьев укрывали его ноги, а зимой оно стояло, не обращая внимания на снег и морозы, и ни оно, ни соседние ёлки и сосны не боялись, что с приближением праздников их жизнь в маленьком лесу внезапно оборвётся.

Татьяна Орбатова

Поэт, прозаик, член Одесской областной организации Конгресса литераторов Украины (Южнорусский Союз писателей), член Национального Союза журналистов Украины. Родилась в семье научных работников. По окончании университета им. И.И. Мечникова работала в научно-исследовательской лаборатории. Работала в газетах, пробовала себя на поприще тележурналистики. За десять лет было напечатано более полутора тысяч статей на различные темы. Татьяна нередко публикуется в одесском альманахе «Дерибасовская – Ришельевская». В 2004 году была издана книга рассказов «Пациенты планеты Земля», а в 2008 – поэтический сборник «Ты видел рыб над головами?».

Футуристическая ретроспектива (или вперёд в прошлое)

1.

**Времени грива. Подлунный репейник
Смертью заласканных цивилизаций.
С цезарем новым – удобны кофейни,
Но ошутим аромат имитаций.**

**Выпейте кофе ушедших событий –
С хлебом душистым и праведной солью.
Вместо Души не хотите ли Сбытьень?
Он – не страдает, бытует безвольно.**

**Сбытьень – не тень,
он покорству – опора,
трон – властелюбам,
гвоздик – забору,
гамлетам новым – он –
точный ответ.
Или ты – Сбытьень,
иль тебя нет.**

2.

**Конь вороной в квадразе Малевича
Знает – досрочно не стать Человеком,
Если рождает среда обмелевичей,
Мысли ровняя, – от века до века.**

**Если на площади – мёртвы глаголы,
Но говорили, как страхи, живучи,
Сбытни снуют, пусть по-прежнему,
голы,
Стукольно кланяясь каждому дуче.**

**Дуче – не скучен.
Он всекоронован,
свет – капиталу,
сыру – ворона,
боль – для Души,
но для сбыйтней –
у х о ж е н – да,
дуче не круче
Старого Роджера***

3.

**В конском зрачке – со-волнение равных
Вновь утопает в больших переменах.
Вероподобие с вечностью плавно
Плавится чёрным раствором по венам –**

**Венам детей, иноверцев, изгоев.
Вместо Души не хотите ли Сбытьень?
Ген равнодушия вместо покоя?
Вместо “всё помнить” –
напрочь забыть и...**

**Были – навзрыд,
но будут – вприсядку,
были вразнос –
в расход поспешат.
Конский зрачок,
что пуля в “десятку”,
зорко нацелен,
ближе межа.**

* В Ирландии и на севере Англии в средние века дьявола иногда называли Старым Роджером. Кроме того, в английском жаргоне того времени roger – мошенник, вор

В ночь под Рождество

Снег валил крупными хлопьями, прилипал к окну, и фонари на улице, сквозь пелену снега, казались мутно-желтыми, теплыми и таинственными.

Мария заканчивала хлопотать у плиты, выставляя блюда на стол, накрывая их бумажным полотенцем, чтобы дети не увидели раньше времени и не схватили со стола понравившийся кусок. Детей у нее было трое, два мальчика и девочка. Мальчишки – погодки, а Сонечка родилась на два года позже младшего, Алешки.

Стол у нее получался по-одесски обильным и вкусным. Хорошая хозяйка, она еще с лета заготавливала на зиму закрутки и варенья, свежую вишню перетирала с сахаром, накладывала в банки икру из синеньких и туго закручивала крышки. Когда был жив муж, хоть и не очень любимый, но хороший, непьющий, скромный трудяга, к которому Мария была привязана всем сердцем, домашнее хозяйство доставляло ей больше удовольствия. Ей нравилось ждать мужа с работы, печь в духовке пирожки с капустой или картошкой, которые получались у нее получше уличных, помешивать половником густой борщ в кастрюле, вдыхая его сытный, уютный запах. Она предвкушала, как её Петя сядет за стол, опрокинет маленькую рюмочку водки и, аппетитно прихлебывая борщ, взглянет на нее, как всегда – с одобрением. Если б кто-то сказал Марии, что у неё нет к нему любви, а только чувство супружеского долга и абсолютная, доходящая до самопожертвования преданность, она бы очень удивилась. Они поженились как-то тихо, как будто это само собой разумелось, сразу после окончания железнодорожного техникума, где вместе учились, и Пётр пошел работать на железнодорожную дорогу сцепщиком вагонов.

Сказал жене, чтоб сидела дома и растила детей, а на жизнь он сам заработает.

Всё это было раньше, а когда Сонечке исполнилось два месяца, Марии принесли страшную весть. Нужно было прицепить ещё один вагон, а поезд велели отправить по расписанию. Пётр решил: сцеплю, пока поезд медленно трогается, успею. Не успел. Хоронили его в закрытом гробу, так его измолотило.

После этого всю душу свою, которую раньше делила между Петром и детьми, Мария отдала детям. В них был свет и смысл её жизни. Железная дорога платила пенсию по потере кормильца, а так как Пётр погиб при исполнении, то на свести концы с концами как-то хватало. Но не больше.

Марии до сих пор было больно вспоминать, как к первому сентября, когда должна была пойти в школу Сонечка, у неё не хватило на пенал всего 25 копеек. Ребенка будут ругать в школе в первый же день, что у неё не всё в порядке. С первого дня станет в задний ряд, думала Мария, и у нее шемило сердце. Она пошла искать, у кого бы одолжить 25 копеек, и на улице вдруг увидела блеснувшую в пыли монету. Но это была случайность, которой могло и не представиться.

С тех пор мысли о том, как дать детям образование, поставить на ноги, не давали ей покоя.

За спиной что-то зашуршало. Мария оглянулась и увидела, как в отверстии печной духовки мелькнула темная тень. Печка оставалась от старых времен, во всём доме было газовое отопление, но Мария не снесла печку, как сделали многие её соседи. Во-первых, печка напоминала о детстве, когда она, прижавшись к её теплоте, делала уроки за маленьким детским столиком. Во-вторых, квартира Марии была угловой, холодной, и когда в Одессе разыгрывались морозные зимы, Мария печку подтапливала. В другие дни там просто хранилась ненужная медная посуда.

Из-за печной заслонки торчал тонкий хвостик, и Мария инстинктивно хлопнула заслонкой. Раздался визг. Заслонка крепко держала хвост. Мария с изумлением смотрела на него. Он был с кисточкой и гораздо крупнее того, что можно было бы ожидать от банальной мыши или даже крысы!

Не думая, руководимая одним только любопытством, Мария дернула за хвост и вытащила из духовки небольшое черное существо. У него была поросычья мордочка, тонкие ручки и ножки, на головёнке – рожки. На тельце, покрытом черным пухом, выделялся чуть отвисший животик, неожиданно розовый и нежный, он колебался в такт прерывистому дыханию существа. Незнакомое почему, но чётко определялось, что существо это женского, можно было даже сказать, девичьего пола.

Оно рванулось, желая сбежать, но Мария от удивления настолько крепко сжала в руке хвостик, что он даже слегка хрустнул.

– Пусти, твою мать! – Завизжало тонким голоском чёрное существо с розовым пузиком.

Это было так неожиданно, что Мария расхохоталась.

– А ты кто? – спросила она, сама уже догадываясь. – Чёрт, что ли?

Страху никакого Мария не чувствовала. В голове мелькало: да что ж плохого может случиться в такую Святую ночь?

– Не-а. Чертовка, девушка, – с гордостью заявило создание. – Ну-ка давай, пусти, а то такого тебе перца задам!

– Да что ты мне задашь, – спросила Мария, – если ты собственный хвост не можешь у меня из руки выдрать?

– Ночь такая, – огорченно выдохнула чертовка. – Мы, нечистая сила, сегодня не вполне в силе.

Мария задумчиво рассматривала нежданную гостью.

– А я-то вообще думала, что вас нет, что это суеверие. А имя у тебя есть?

– Есть. Мавка я.

– Ну да! Мавки – это такие лесные девушки, они заманивают путников в глубокий лес и губят. Это же народные предания, украинские сказки, а не на самом деле.

– Много ты понимаешь, – возмутилась Мавка. – Вот ты – Мария, так ты же не одна Мария. Мавка – это имя. Лесная девушка может зваться Мавкой, может зваться Разкой. Меня вот тоже Мавкой называли. Вы – люди, ничего в нас не понимаете и всегда всё путаете.

– А называли кто? Родители?

– Да, приёмные. У нас нет родных чертей-родителей. Наши родные отец и мать – люди, а потом старые черты берут народившегося чертёнка на воспитание.

У Марии глаза стали круглыми от удивления. Мавка захихикала.

– Что, не ожидала? Сами нас, нечистую силу, и порождаете. Злитесь, ненавидите друг друга, чертыхаетесь, вот из ваших мыслей и нарождаются всякие нечисты. Ну, это на ваш взгляд нечисти, а мы-то сами вам только благодарны, что плодите нас на каждом шагу. Так пустишь меня или нет?

– Конечно, нет. Сколько лет на свете прожила, а такое вижу в первый раз. И вот так взять и отпустить? Знаешь, как мне одиноко на свете? Хоть с тобой поговорю.

– Ну, хвост-то хоть отпусти, больно. Не уйду я, посижу с тобой маленько. Только я вот чего не пойму. У тебя ж трое детей, отчего ж одиноко? Они-то с тобой живут.

Мария вздохнула, отпустила Мавкин хвостик, хотела, было, помочь после него руки, но подумала, что Мавку это может обидеть. Вытерла руки фартуком, вроде бы они просто влажные, и села на табурет. Мавка уселась на печку, скрестив тонкие кривые ножки.

– Да что дети... Они только лет до пяти около мамки, а потом пытаются самостоятельными стать. А в 15, как мои Сережка с Алешкой, и вовсе из дому бегут. То у них дискотека, то к друзьям на видео, то в Интернет-кафе. Пока Сонечка около меня, а потом замуж выйдет и в семью мужа перейдет. А я одна останусь век доживать. Вот и сейчас все убежали, а куда и не сказали.

– Не пойму я, – отозвалась Мавка. – Да чего ж ты замуж второй раз не пойдешь? Ты ведь и в свои 40 красавица. Ну, на ваш взгляд, конечно, на людской. У нас такие синие глаза и светлая кожа – признак вырождения.

– Сначала Петра не могла забыть. А потом, года через два встретился один. Звал замуж. Да только поставил мне условие, детей отдать в садик на круглосуточно, потом в школьный интернат. Богатый был, но из своих денег на моих детей и копеечки потратить не хотел. Я его выгнала. И решила, пока не вырастут и думать не буду о замужестве. А сейчас как-то уж и все равно стало. Привыкла я к женскому одиночеству.

Мавка подняла вверх свои чёрные ручки, потеряла ладошки и захихикала. Ладошки у неё тоже неожиданно оказались розовыми, как животик.

– Незачем тебе привыкать, – сказала и снова хихикнула.

Мария недоумевающе уставилась на Мавку. Внезапно догадка осенила её.

– Ты что? Хочешь сказать... Ведь ты всё знаешь...

– Да, – ответила Мавка так важно, будто это от неё зависела Мариина судьба. – Будет тебе жених. Красивый, хороший, любить тебя будет. На руках носить. Вот через год посватается, и будешь ты счастлива.

– А дети? – вскрикнула Мария. – Детей моих он будет любить?

Мавка помрачнела. Сказала сухо.

– Детьми тебя обрадовать не могу. Не очень они у тебя удачливые. Соня выйдет замуж, через год её муж сопьется. И её втянет. Станет она с ним алкашкой, а он бить её будет. Алешка в армию пойдет, там ему ногу в колене перешибут, и станет он инвалидом. Серёжка один и брата инвалида и сестру свою непутевую на себе тащить будет. Из-за них и не женится никогда.

Мария остолбенела. Всё ей казалось, вырастут дети, и всё наладится. Оказывается, нет. Да и как она могла думать, образование-то сейчас платное, где она денег на него возьмёт? На три института? А без института, что за жизнь их ждёт, в наше-то время? Видно такая судьба, что у отца их не удалась, что у них!

Мавка сидела молча и сочувственно смотрела на Марию. Внезапно та упала перед Мавкой на колени.

– Христом-Богом прошу, или как тебя надо просить? Может Сатаной, а? Сделай так, чтобы дети мои были счастливы! Молю тебя, жизнь мою заберу, а сделай так, чтобы они были счастливы, сделай так, ведь ты можешь, я знаю!..

– Жизнь мне твоя не нужна. И душа тоже. Я не того ранга, чтобы душу забирать. Меня всего лишь школьник породил. Матюкнулся – и вот она, я.

Мария не слышала, билась на полу.

– Молю тебя, Мавка. Ведь ты можешь, я знаю!

Мавка подперла головку черными ручками, покачала ею.

– Встань, не шуми. Есть одно средство. Только жизнь твою я не возьму. Я красоту твою возьму и долю твою. С этой минуты ты станешь страшной, как болотная жаба. Жених твой, когда тебя увидит, прочь убежит. Ты ему противна будешь. А у детей твоих всё наладится. Серёжка бизнес откроет, станет богатым и уважаемым человеком. На свои деньги выучит брата и сестру. Все найдут себе достойные пары. И проживут свои жизни в достатке все трое. Согласна?

– Согласна, – выкрикнула Мария. – На всё согласна!

– Подожди, это ещё не всё. Самое главное условие – они тебя покинут. И забудут. Уйдут из дома и не вернутся к тебе никогда. Умирать будешь в полном одиночестве.

– Покинут? Но они же любят меня, не смогут они родную мать покинуть! Нет, Мавка, ты их не знаешь, тут твоей власти не хватит. Забери красоту, забери мою долю, но детей-то оставь,

Виктория Колтунова

Родилась в артистической семье, в г. Одессе. Окончила школу-студию киноактера и Одесский госуниверситет. Отец, Г. Я. Колтунов – классик советской драматургии.

В 1990 г. открыла собственную фирму по производству документальных фильмов и 12 лет ею успешно руководила. В течение трех лет вела борьбу за сохранение в Украине двух оставшихся непроданных киностудий художественных фильмов. Является активным членом областного фонда борьбы с организованной преступностью «Захист». В качестве правозащитника ведет в судах дела тех героев своих статей, которые лишены материальной возможности нанять адвоката.

как жить мне, не видя их, моих кровинушек?!

– Не могу, – коротко сказала Мавка. – Таков закон вселенной. Ежели, что где прибавится, в другом месте убавится. За всё надо платить. Это закон сохранения энергии, слышала? Так что – выбирай. Сейчас на то твоя воля.

Мария поднялась с колен, села на табурет и закрыла лицо руками. Мавка терпеливо ждала. Её розовый животик колыхался в такт дыханию. Прошло не менее получаса. Время приблизилось к восьми. Уже должны были вернуться дети.

– Хорошо, – глухо сказала Мария. – Согласна. На всё.

Мавка вскочила на печь, потянулась. Мария, как завороченная, подошла, стала перед ней.

Мавка провела по её лицу розовыми ладошками, словно стирая с её лица что-то, и забормотала. Марии стало душно, как от жары. Голова закружилась.

– Ну, вот и все, – сказала Мавка. – Назад дороги нет. Прощай. А знаешь, жалко мне тебя, хоть нам, чертям, жалеть вас, людишек, не пристало. Это во мне что-то изменилось оттого, что я с тобой возилась слишком долго. Мама мне всегда говорила, что от людей надо держаться подальше. Сделать пакость и бежать. А ты меня на доброе дело раскрутила. Хотя, если на это посмотреть с чёртовой точки зрения...

Мавка вздохнула, махнула на прощание хвостом и исчезла в темной пасти духовки.

Мария пришла в себя, голова болела, но уже не кружилась. Вдруг ей показалось, что всё это ей приснилось. «Ночь под Рождество, – подумала она. – Волшебная ночь. Вот и мерещится всякое». Должно быть, она вздремнула на табурете. Устала-то как. Сейчас придут дети, с веселыми возгласами, как всегда, усядутся за стол, будут есть, и нахваливать её еду. Ничего не произошло, ей только померещилось.

Мария закончила приготовления к праздничному столу, вымыла руки, сняла фартук и надела нарядное платье. Время шло. Пробыло восемь, никого не было.

Она решила покрасить губы и подошла к зеркалу. И закричала, громко, пронзительно. Из зеркала на неё смотрела глубокая старуха. Глаза ввалились и помутнели. От носа ко рту пролегли две глубокие борозды. Лоб и щеки были изборождены морщинами. Седые жесткие патлы торчали во все стороны. Было странно видеть, как на молодом ещё теле висит дрожащая голова отвратительной, уродливой старой ведьмы.

Мария без сил опустилась на пол. В голове стучало: правда, так это всё было правдой! Затем пришла другая мысль: но если это так, значит, её дети будут счастливы, она недаром отдала свою долю. И тут же снова застучало – они покинут ее, уйдут! А ведь ей только сорок, значит, сколько ещё дожить в одиночестве, прячась от людей. Увидеть бы их, только бы на минутку увидеть, а потом пусть уходят. Нет, нельзя, пусть запомнят её такой, какой она была!

Раздался телефонный звонок. Мария сняла трубку и не узнала голоса Серёжки, всегда такого ласкового с ней.

– Слышь, мама, – раздалось в трубке, на фоне развеселой музыки. – Ты нас сегодня ужину не жди, мы тут у Светки по полной отрываемся. Когда вернёмся, не знаю, ты там ужинай без нас.

Короткие гудки. Даже ответа не дождался. Долго Мария стояла у телефона, без слов, без мыслей в голове. Потом аккуратно выключила всюду свет, надела полубухоб и вышла во двор. Снег уже перестал идти, на всём лежала белая мягкая пелена, и было так тихо, как только бывает зимой, когда снег заглушает все звуки, а ночь царствует над землёй в своём холодном зимнем великолепии. В тёмно-синем выском небе сияла одинокая звезда.

Мария опустилась в снег на колени, не отрывая взгляда от звезды, единственной своей подруги на всю будущую жизнь.

– Вифлеемская звезда, это она, – подумала Мария. Ладонями она вытирала слёзы, текущие из мутных старческих глаз. Протянула ладони к звезде. Внезапно ей показалось, что кто-то невидимый подхватил её под локоть, и ей стало тепло и безмятежно.

Глядя на звезду, она спокойно и уверенно зашептала слова молитвы:

Отче наш, иже еси на небесах,
Да святится имя Твое,
Да будет воля Твоя...

Наминация “Поэзия” Старшая группа

1 место
Шаль Михаил
МОУ «СОШ № 56», 9 «б» класс
г.Магнитогорск

Встреча

Автовокзал. Здесь толпятся машины;
Холодно, людно, и дымом несет.
Мчатся автобусы линией длинной,
Влево и вправо, назад и вперед.

Парень стоит на морозе, и нервно
Взглядом сверлит сволочной циферблат.
Стрелки все медлят, замерзли, наверно, -
Ни на секунду спешить не хотят.

Хмуро зажег папироску и снова
Сел, а потом снова вздрогнул и встал,
В зданье прошел, не промолвив ни слова,
Взгляд в расписание камнем упал.

Улица, встретив морозной волною,
Вновь отрезвила, прибавила сил.
Парень не выдержал время пустое,
С гневом диспетчера громко спросил:

- Где он, пятьсот девяносто первый?
Что с ним случилось? Куда он пропал?
- Вы, молодой человек, очень нервный.
Будьте добры - в ожидания зал.

Парень опять достает папиросу,
Вот он присел. Успокоился. Ждет.
Паника, взгляды с надеждой, вопросы...
Мимо автобус, но снова не тот.

Смотрит, прищурившись, в даль городскую.
Вот, словно блеск от автобусных фар.
Едет машина, и парень, ликуя,
Вдруг улыбнулся, приветствуя дар...

Встал он, почувствовал, как захмелеет,
Тронув той девушки прядку волос,
Как он обнимет ее, как согреет,
Как поцелует в остуженный нос.

Вспомнит, как раньше он брал её руку,
Как целовал и держал, и ласкал.
-Да! - обронил он. - Конец нашей муке.
Как бесконечно тянулась разлука...
И, наконец-то, час встречи настал.

2 место
Арефьев Константин
МОУ «СОШ № 25», 10 «а» класс
г. Магнитогорск

Первый снег

Первый снег — зимы искринка,
Скрыта инеем тропинка.
На душе моей светло,
А вокруг - белым-бело.
Может, первый снег растает,
Но зато зима настанет
И укроет все поля
Белым снегом декабря.
Вот деньки наступят эти,
И, свои расставив сети,
Ветер тучи соберет
И снежинки принесет.
Остается лишь загадка,
Как он стелет их так гладко,
И на глади снега белой
Создает узор умелый.
Дни весенние приходят,
«Мухи» белые уходят,
Тают, в воду превращаясь,
Снова в землю возвращаясь.
Но печалиться не надо,
Время снегу не преграда.
Через год зима вернется,
Первым снегом улыбнется!

2 место
Полина Загороднюк
МАОУ «СОШ №146». Класс: 9 «В».
г. Пермь

Поэты мы!

Кто мы такие? Сны или виденья?
Безумцы, что прикинулись людьми?
Рожденные под звезд благословенье
Или под плач и стоны всей Земли?!

Мы - сумасшедшие! И мы самозабвенно
Плетем узоры из словесных бус.
Мы - стихотворцы, чьи стихи, наверно,
Колючие и горькие на вкус.

Мы - проклятые! Нам печаль - награда,
А слезы - лишь подарок тишины.
Мы души, опаленные когда-то,
Что на костре смертельном сожжены.

В глазах у нас - космическая бездна,
В душе - рыдает лавой вулкан.
Поэты мы! И нет нам в мире места,
Как нет на свете места вещим снам!

Итоги детского конкурса «Проба пера-2012»

3 место
Елизавета Чичибаби

Многопрофильный лицей №1, 10 «б» класс
г. Магнитогорск

* * *

На выстрел взгляда от тебя
В знакомом месте
Сидела я, рассвет любя,
Не зная мести.

Я знаю точно обо всём
Не то, что нужно.
Тебе известно, что растём
Мы лишь наружно?

Весну ты помнишь? Как апрель,
Что канул в небыль,
Как неумелый менестрель
Пел песни неба?

Сверни с дороги, сотвори
Свой путь сначала,
С обратной стороны двери
Ищи причала.

Теперь, в начале октября -
Ворота ад...

.....
Всего на выстрел от тебя,
На выстрел взгляда.

3 место
Масловский Сергей

Магнитогорский технологический колледж,
курс 2. г.Магнитогорск

Страшные мысли

В этом мире много вещей,
которых можно бояться!
Но то, чего мы боимся,
не имеет отношения:

Ни к страшным маскам;
Ни к пластмассовым паукам;
Ни к огромным чудищам!
Нет, самое страшное для нас,
Наши собственные мысли:
Что, если она пожалеет

о своём решении?
Что, если он действительно несчастлив?
Что, если возможность любви
упущена навсегда?

Как победить эти пугающие мысли?
Мы начинаем просто напоминать себе:
То, что нас не убьёт, сделает сильнее!

3 место
Попова Ксения

г.Невьянск Свердловская область,
школа №3, 7 класс

Переменчивая весна.
Майским погожим днем
Ветер делеял листья,
Люди пели кругом.
Тихо дрожали кусты.
Первый весенний гром
Вторил им с высоты.

Ласковым пением птиц
Мир пробужден, восхищён,
Был неразумьем сражён-
Снегом, что падает ниц.
Земля стала рыжим ковром-
Как от набега куниц.

Снова грустят поля,
И холодна земля,
Птицы, паря в небесах,
Чуют горечь и страх.
Солнце, сильным крылом
Укрой испуганных птах!

Пусть оживут леса,
Вешняя их краса,
И закричат грачи,
И побегут ручьи!
Развеселиться рад
Яблочный белый сад!

3 место
Мария Севрюгина

г.Невьянск Свердловская область,
школа № 3, 7 класс

Лесные жители

Сидит на пенечке пушистый мышонок-
К нему примостился трусишка- косой.
И в прятки играют —
с ленивой совой,
Невидящей их в ярком свете,
спросонок.

И вдруг появляется,
Словно громила,
Огромная ,страшная
Тень Михаила!

Услуги медвежьи кому не известны?
Сметет - не оставит и мокрого места.

-Невежлив! Невежлив!-
Пичуги кричат,
-Повадки медвежьи!
Все звери дрожат.

Он вовсе не думал зверюшек
пугать-напугать,
Но все от волненья пустились бежать.
Оставшись один, неуклюжий медведь
«Как быть деликатнее, -думает,- впредь?!»

Наминация “Поэзия” Младшая группа

1 место
Светлана Серебренникова

г.Невьянск Свердловская область,
школа №3, 2 класс

ВЕСНА!

Белый снег потемнел, испарился
От горячего света лучей.
И подснежник в лесу появился,
И светло засмеялся ручей.
Тихий лес встрепенулся под ветром,
Просыпаясь от зимнего сна.
И когда я увидела это-
Поняла, что приходит весна!

2 место
Данилова Лиза

г.Невьянск Свердловская область,
школа №3, 3 класс

ОБЛАКА

Лежала я в тени берез
И любовалась облаками.
Они неслись, как стая коз,
Но вдруг предстали... мотыльками.
А дальше - просто чудеса:
Возникли горы и леса,
Где быстро птицы гнезда вьют
И звонко песенки поют.
Пропали соловьи и галки -
Смотрю, играют в догонялки
Между собой лиса и заяц,
И солнце светит, улыбаясь.

А вот уже из синих вод
Плывет дельфин, и кит плывет.
Но тут сменяется картина-
Нет ни кита, и ни дельфина.
Зато красиво и легко
Стрелой мчится конь лихой,
Верхом на нем, смотрите - ах,
Я! - глазу гриву в завитках!

2 место
Марина Сырейщикова

г.Невьянск Свердловская область,
школа №3, 2 класс

ГЕОРГИН

Двадцать пятого июля
Распустился георгин!
И сказала мне бабуля:
«Глянь, сверкает как рубин!»

Наш цветок с сестрой Полиной
Поливали мы не зря,
Превосходным георгином
Пусть любитесь семья!

3 место
Светлана Рябова

г.Невьянск Свердловская область,
школа №3, 4 класс

Весна на улицы пришла

Когда весной цветет сирень
И птицы заливаются,
Весь мир становится добрей-
Любовью наполняется!
И оживает все вокруг,
В садах кипит работа,
Тюльпаны первые цветут,
И воздух свеж, как мята!
Струится речка веселей
И омывает скалы...
И даже маленьких зверей
Намного больше стало!

3 место
Селезнева Екатерина

школа №65 5Г класс, 11 лет.
г. Магнитогорск

Стих про друзей

У меня друзей немало,
Я стишок им написала.
Всех вас очень я люблю,
Дружбой очень дорожу!
Если будем мы дружить,
Легче всем нам будет жить.
Вместе выучим уроки,
Попоем на «караоке»,
Тортик праздничный съедим,
Кризис дружно победим!!!

3 место
Баранов Богдан

1 «а» класс, 7 лет.
г. Нижний Тагил

Ёжик

Маленький ежик в домике жил,
Маленький ежик ни с кем не дружил,
В кресле качался весь день напролет,
Злойкой его считает весь народ.
Но как-то по осени, сняв урожай,
Ежик испек пребольшой каравай.
Всех угостил, никого не забыл,
Просто наш ежик застенчивым был.

Наталья Гордеева

И вовсе не птицы они

Поломаны вёсла, и часть парома разбита,
и я наблюдаю, как собственная орбита
уходит из-под контроля
и входит в штопор,
и рядом со мной из соседней палаты
доктор...

И вот уже даже тебя согреть не приходит
твой ласковый аист со множеством
странных методик,
и вот уже аист совсем не такая птица,
и хочется заглянуть в эти птичьи лица

Мне хочется их погладить
по белым перьям
и тихо шепнуть в ушко,
что совсем им не верю,
и знать, что одно только зло,
лишь чадят их сути,
и вовсе не птицы они, а злобные люди.

Уходя...

Меня жестоким не зови,
с укором не смотри,
когда объятия твои покину до зари.
Пусть сердце бедное
не жжет обиды горький яд -
монастыри твоей любви
я променял на ад.

Я променял твоё тепло на стынь
и мрак войны,
на звон клинков сменил
полог спокойной тишины.
И если мне судьбой дано пасть
жертвою меча,
пусть изумруды глаз твоих
не трогают печаль.

Ресниц твоих пусть невзначай
коснется ветерок,
и где-то там, внутри тебя,
распустится цветок.
День ото дня он будет зреть
и тяжелесть в тебе,
и будешь ты его жалеть...
и помнить обо мне.

Взгляни, отец...

Огромный мост у ног миров и яви.
Взгляни, отец, ты вряд ли это видел,
когда я вниз к Аиду по спирали
сорвусь, как камень, в темную обитель.

Бескрайний океан меж двух галактик.
Смотри, отец, ты будешь мной гордиться,
когда паду к земле я, словно фантик,
ты сможешь в лунном мире
вновь родиться.

Я паданец, сон томного Морфея.
Смотри, отец, ты это не забудешь,
как запах ненавистного шалфея,
ты будешь грезить мной, я знаю, будешь.

Фонтан желаний, посмотри на всплески,
отец, клянусь, что ты не пожалеешь,
а если пожалеешь (только если)
то обещай, что нити все обрежешь.

Шотландский Виски

Мечта...

Где-то там, среди тысяч
потерянных мечт...
Есть одна, и она заблудилась случайно...
Тихо бродит вокруг опустившихся плеч...
Так же ищет его, чьей была изначально...

Ну а он перестал улыбаться в ответ...
И в зеленых глазах тихо прячет тревогу...
Только лишь по ночам ей,
храня свой обет...
Продолжает указывать к дому дорогу...

В теплом плеле, укутавшись,
смотрит в окно...
Допивая в глухом одиночестве виски...
И зажженной свечой растворяя стекло...
На обрывках стихов пишет
в небо записки...

Но однажды она, оглянувшись вокруг...
Вдруг заметит его огонек
в темных стеклах...
И послышится тихий сердец перестук...
И зажгутся надежды
в сердцах и на окнах...

Фёдор Назаров

Эгоист

Что твоя вера, юродивый злой старик,
Слабая часть в партитуре пустых дорог,
Ведь для существ,
не видящих между строк,
Вся твоя музыка —
сдавленный птичий крик.

* * *

Что же твой голос —
охрипший морской ревун.
Был бы услышан —
мог бы нагнать тоски,
но в мегаполисе Старые Васюки
слушать не принято.

Ста миллионов дун
хватит едва ли на то, чтобы райский сад
вновь окунулся в шепот
людских молитв...
Ты бы напел им что-нибудь,
но мотив
Был позабыт много жизней тому назад.

* * *

Что твоя память -
походный станок Жиллет.
Режет всё хуже, хуже...
И всё трудней
не оставлять в щетине последних дней
ржавый налёт незаметно минувших лет.

Дряхлые мойры порвут золотую нить,
В мире твоём оставляя из всех предтеч, -
Время.
И если оно перестанет течь,
попросту некого станет боготворить...

Полина Амбург

Прочитанная книга

Кто сказал, что тебя я когда-то любила?
Что теперь без тебя не смогу я прожить?
Ты роман прочитал, эта книга закрыта,
Нам не нужно страницы её ворошить.

Ты себя возомнил в этой книге героем
И придумал, что спас героиню из плена,
Заблуждаемся мы и иллюзии строим,
Возвращенье в реальность,
увы, неизменно.

Только ты не герой, и всего лишь параграф
Уделён тебе был в этой книге судьбою,
Ты не рыцарь, ни принц,
ни король, и не граф ты,
Просто шут, очень сильно
довольный собою.

Ты смешон в заблужденьях
своих о величье,
Думал ты, что нашёл свою нишу
в истории,
У людей вызываешь одно безразличие,
И вниманья читателя ты не достоин.

Оставайся шутом,
видно, роль твоя в этом,
Извини, но на принца,
пока, ты не тянешь,
Призрак тени твоей
растворился с рассветом,
Я на новой главе, ну а ты...исчезаешь...

Евгений Чернышов

Пасмурное...

...как всегда...

Только море сегодня немного другое...
И прохлады ознобом колючим впивается
в тело.

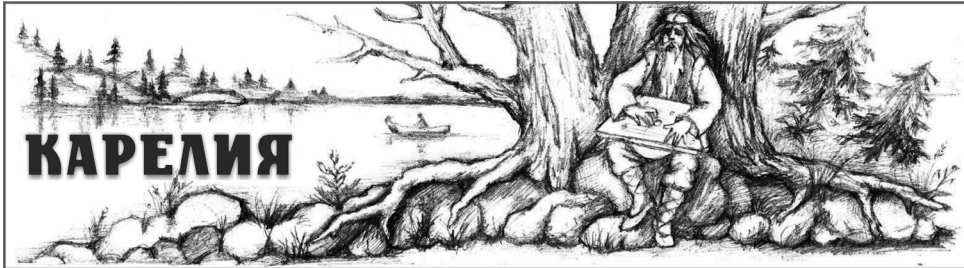
...Если смотришь кино о любви,
[непрерывно цветное]
Приготовься к тому, что увидишь финал
чёрно-белым...

...Из любимых оттенков: жемчужных и
солнечно-(с)нежных
Ты оставишь себе исключительно
пепельно-серый,
Что на водную гладь опустился туманом
прибрежным,
И уснёшь на песке...

...Над волной — в густоту атмосферы
Одинокая чайка уносится с криком
прощальным,
Предвешая безветрие...

Долгое...
Предгрозовое...

...Вероятность того, что мы встретимся
где-то [случайно]
Уменьшается с каждой упавшей на
землю слезою...

И ПРИХОДИТ ЗИМА (отрывок)

Октябрь

К концу октября река обезводела.
Умолкли каменные пороги. Неряшливо от-
крылись берега, подрезались глубокими про-
моинами, из которых торчали узловатые кор-
ни деревьев. В опавших омутах неподвижно
замерли серые остоны топляков. Поминаль-
ными свечками отгорали короткие дни.

Все изменилось в одночасье, шумно
рухнуло под жгучей волной долетевшего
холода. Светлой ноябрьской ночью ударил
лютый мороз, мохнатым инеем обнес навис-
шие над водой кусты, распустил широкие за-
береги. Заполосно застреляли деревья, и эхо
долго катилось в сухом колком воздухе над
укрытой морозным паром рекой. На рассвете
вспухло тяжелое багровое солнце, весь день
гладившее негреющими лучами опутанный
стужей лес. Мягко упали вечерние тени, дале-
кие звезды завесились мглой — мороз калил,
растекаясь по округе жутким трескучим холо-
дом. Припай от берегов вело к середине, а на
плесах схватывало друг с другом короткими
хрупкими перемычками.

Становилась река. Утром с верховий
прерывистой полосой двинулся мелкий лед.
Шуга с хрустом напознала на тихие пороги,
забивала протоки, гасила слабеющие струи.
Росли ледяные плотины, копилась вода, да-
вило беспокойной темной массой. Время от
времени шипуче размывало узкие лотки, но
свежие гонки напористо закрывали ходы,
поднимая выше покатые стены льда. К вече-
ру потеплело. Юго-западный ветер натянул
сплошную низкую облачность.

Пошел снег. Вначале сеялась тонкая
блестящая пыль, превратившая воздух в дра-
гоценную взвесь, а затем густо повалили
тяжелые, крупные хлопья. Бесформенные,
влажноватые, они растворили мир в светлой
неприглядной мгле. Долго изливалась отвес-

ная мягкая лавина,
но с восходом солн-
ца стало слабеть.

Ноябрь

Развиднелось.
Холодная белизна
глубоким оглажен-
ным слоем накры-
ла тайгу. Под тя-
жестью снежного
бремени полегло
отмякшее разнотра-
вье, согнулись молодняки, упруго осели ши-
рокие словесные ветви.

Ветер завернул с юга. Могучим дыхани-
ем погнал тепло. Рыхлый снег быстро темнел
и, теряя связь с подвижной опорой, скольз-
ко покатился с деревьев. В лесу стало шум-
но: летящие комья глухо пробивали лунки в
раскисшем снегу; скрипели освобожденные
от груза верхушки; роняя целые сугробы, со
свистом выправлялись тонкие ивы.

Разъедаая снег, зашелестел к месту при-
спевший дождь. Мелкие струи торопливо
сбегали в ручьи, набухающие водой снеговой,
светлой, пахучей. Река очнулась, притопило
пороги, разбила слабые льды, возродилась
упругим ходом стремительно уносимой воды.

... Истаяли снега, и оттепель покинуло
омытые дождями гульки, прозрачные леса.
Тайга дремала, покачиваясь в запутавшихся
ветрах. Сонно бормотали пороги. Время мер-
цало сполохами быстро бегущих дней. Но ка-
завшийся застывшим огромным пасмурный
мир медленно менялся. С далекого севера
мягко подбиралась зима, студило наплываю-
щими токами, хрустела летучими замороз-
ками. Осмелев, плеснула резким холодом,
укрыла ручьи, отжимающе подсушила почву.
Войдя во вкус, сыпанула мелкого крупчатого
снега, позднее добавив поверх него легкого
белого пуха, привычно раскатилась звонкими
морозами, спеленавшими реку, и надолго за-
легла в лесную неоглядную синь.

Станислав СЕМИН
п.Ильинский

Предчувствие

Весна тихой поступью входит в Костомук-
шу. Март — лишь её предвестница в нашем су-
ровом северном краю. С утра балует ядрённым
морозцем, а в вечерние часы — оттепелью. Две
стихии сталкиваются лбами сейчас: едва скинут
шубы горожане, разомлев от солнечного тепла,
любогоса с небес, как вдруг подует ядрённый
сиверко, пронесётся ураганом над городом, за-
кружит снежные вихри! И тогда уже несладко
приходится модникам в тонких куртках — злой
ветер продувает насквозь, бросая в лицо снежные
оплеухи.

Отголоски уходящей зимы — властной по-
велительницы севера — аукнутся ещё и в апреле.
Снег ещё идёт часто: внезапно из-за туч по-
сыплется снежная крупа, да так густо, что ста-
новится не видно ни зги! Но это лишь времен-
ное явление — так, причуды матушки-зимы. Ещё
держится на плотных еловых лапах и в крепких
объятиях вековых сосен снежный покров, ещё в
зарослях кустов висит клоками ноздреватый снег.

Зато лиственные деревья уже успели сбро-
сить толстые белые холодные шубы. Они стоят
теперь обнажённые, готовясь к весеннему обнов-
лению. Сквозь блестящую паутину берёзовых,
осиновых и рябиновых веток пляшут солнеч-
ные лучи. И эта игра света и тени, это изящное
кружево на деревьях, насквозь просвечиваемых
солнцем, завораживает и очаровывает. И кажутся
такими неземными, такими сияющими кроны
берёз и осин, волнуя своей акварельной прозрач-
ностью!

И всё же вступает в свои права весна. Дол-
гожданная, чарующая.

В предутренней дымке пламенеет над
крышами домов, над зубчатым лесом алая заря,
постепенно захватывая весь горизонт. И вот не-
спешно и величаво всходит солнце. И чем ярче
сияет оно, тем ослепительнее и наряднее выгля-
дят городские улицы.

Пусть яркое солнце ещё слишком холодное,
чтобы растопить северные снега — это временное
явление. Под солнечными робкими лучами снеж-
ный белый панцирь, плотно укрывший косто-
мукшскую землю, сверкает мириадами блёсток.
Представь только — весь город, покрытый снеж-
ным покрывалом, ослепительно сияет! Как будто
праздник пришёл. И солнцезащитные очки берут
нарасхват горожане — словно на горный курорт, в
соседнюю Финляндию, собрались!

Вблизи школ, по белому утопанному
скользкому ковру, раскатанному на футбольных
полях, радостно носятся ребята: кто — на лы-
жах, нарежая большие круги, кто — мимолётно
скользя... подошвами башмаков, как на коньках!
И радостно летят они навстречу открывшемуся
простору и солнечному свету...

Лишь в
апреле солнце
и ветер сдела-
ют своё дело:
снежный по-
кров вдруг
прямо на глазах
начнёт хиреть,
истончаться и...
таять! Весело,
бурным пото-
ком, побегут
ручьи и ручей-
ки по улицам,
устремляясь в
низины и впадины, — талой воды скопится ма-
ленькое море. И город, там и сям стоящий на
холмах, продуваемый сильными ветрами, пред-
ставится этаким Венецией — во всяком случае, для
многих пешеходов. Хотя и не в гондолах при-
ходится плыть им по улицам — и, по правде сказать,
не плыть, а идти, — но это не важно (им просто
приходится пеглять, ища сухой путь). Важно, что
эти талые воды напоят промёрзшую за долгую
зиму костомукшскую землю и уйдут в озёра, коих
здесь не счесть! А в мае зазеленеет всё вокруг.

И в этом вечном круговороте природы скры-
та мудрость великой Жизни!
Так тому и быть — и бурному весеннему по-
ловодью, и цветению природы — предчувствие не
обманет...

С каждым днём утренний рассвет наступа-
ет всё раньше, легко разрывая ночной полог. И это
самые восхитительные часы! Шары непогашен-
ных уличных фонарей диковинно светятся между
великолепных заснеженных деревьев — а в городе
великое множество лесных куртин! — создавая ил-
люзорный сказочный мир. Сколько угодно мож-
но наслаждаться такой очаровательной картиной!

Как великие импрессионисты несколькими
мазками кисти на холсте создают свои шедевры,
так и природа творит весеннюю сказку в Косто-
мукше.

И вплетается в мелодию весны неподражае-
мая песня небесных птиц — синичек и воробьёв.
По утрам, напоённым солнечным светом и те-
плом, так нежно, так призывно и протяжно звучат
птичьи трели! Птицы стайками то и дело вспар-
хивают над деревьями и кружатся в любовных
играх в прозрачном стильном воздухе.

А на солнышке с крыш звенит капель, и
на хрупких вербовых прутьях проклёвываются
крохотные белые почки. Вербка первой ожила по-
сле долгой зимы, будто заранее готовясь к велико-
му православному празднику — Дню Пасхи. Пред-
чувствие не обманывает: в назначенный срок
расцветёт верба — символ христианской любви и
прощения — и в Вербное воскресенье украсит пра-
вославный храм, возвышающийся над городом.

АНАК
г.Костомукша

Александр Соколовский

Родился 15.08.1969г. в городе Магадане, где и проживаю в настоящее время. Инвалид I группы по заболеванию. В 1997г. в Магадане вышел первый сборник стихов “Мои настроения”. В 1998г. публиковался в московском сборнике “Душа - птица вольная”, в который вошли стихи лауреатов Всероссийских фестивалей творчества инвалидов. 2000г.- соискатель, 2002г.- номинант международной премии “Филантроп”. В 2011г. в Магадане вышел второй сборник стихов “Такой же, как все...” На некоторые мои стихи композитор А.Нагаев написал музыку, и появились песни. Периодически издаюсь в региональных газетах. Постоянно участвую в фестивалях творчества людей с ограниченными возможностями. Стихотворение “Такой же, как все...” читаю на всех выступлениях в обязательном порядке! Почему? Думаю, объяснять не надо.

Такой же, как все.
Только хромой
Или в коляске,
Или слепой,
С сердцем больным
Иль рукою дрожащей,
Или немой,
Или лежачий.
Пусть инвалид —
Но душа-то ЗДОРОВА!
И она говорит
Снова и снова
О добре, красоте,
О любви и о вере,
О том, что ЖИВА
В измученном теле.

Я прочту вам...

Я прочту вам о маленькой капле,
Что хранит отражение мира.
Расскажу вам, как серые камни
Лижет море, что небо красиво.

Поделюсь с вами русской березкой,
Птицей вольной, летящую в вечность.
И стихи черно-белой полоской
Превратятся вдруг в бесконечность.

Я уже не боюсь повториться.
Может быть, что-то сказано дважды
Для того, чтоб быстрее появиться
И исчезнуть так же однажды.

Я прочту вам о маленькой капле,
Что хранит отражение мира.
Расскажу, как серые камни
Лижет море, что небо красиво.

Давай не будем о плохом

Давай не будем о плохом.
Давай сегодня позабудем,
Что нас терзает день за днём.
Давай мы о плохом не будем.

Давай пойдём с тобой туда,
Где есть любовь, где яркое свет.
Где в небесах горит звезда.
Где счастье есть, а горя нет.

И, вспомнив нежные слова,
Друг друга ласками одарим.
Блаженство ощутив вдвоём,
Мы словно снег в руках растаем.

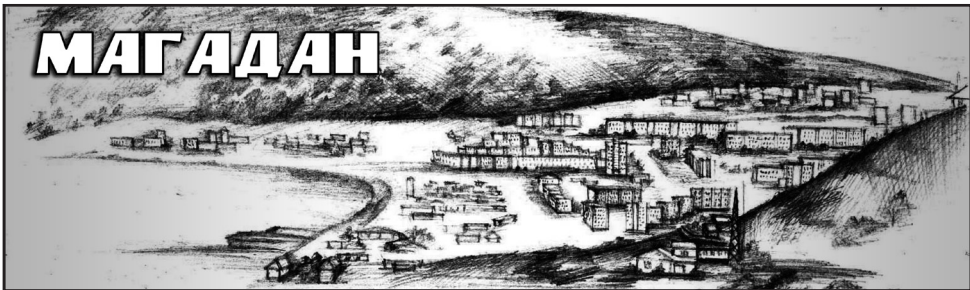
Нам сегодня с тобой повезло

Кто сказал, что нам будет легко?
Наша жизнь - это сложная штука.
Нам сегодня с тобой повезло,
Потому что мы есть друг у друга.

Пришла весна

Пришла весна, и снег, на солнце тая,
Заговорил журчаньем ручейка.
И, словно птиц волшебных стая,
Летят по небу облака.

Мир оживает и волнуется,
Все рвется к небу и теплу.
И ветер ласково целует
Новорожденную листву.

Когда собака оказывается умнее

Начало декабря 2008 года. Мы с соседом стоим в одном из магаданских дворов. Остановились вечером в темноте напротив подъезда и разговорились вроде бы ни о чем. Единственным освещением во дворе были окна дома. Из соседнего подъезда вышла женщина и вывела на прогулку карликового пуделечка размером чуть больше рукавички. Песик робко оглядывался по сторонам и дрожал от холода. Буквально через минуту из арки появляется нечто, очень похожее на крупную собаку. За ним на поводке, как на лыжах, едет хозяйка. Ей, по всей видимости, нравился такой способ передвижения. Присмотревшись внимательно, я понял, что не ошибся — женщину на поводке тянула большая короткошерстная собака, с вытянутой мордой и высокими стоячими ушами. Намордника я не увидел.

Бедный пуделечек, почувствовав опасность, бросился к хозяйке в надежде спастись у нее на руках. Но он опоздал, попав сразу же в зубы непонятно откуда взявшейся гигантской, по сравнению с ним, собаки. Весовые категории были разными. Пуделек был перехвачен поперек туловища, и если ему не помочь, соседка могла бы потерять своего питомца. Женщина громко закричала, но громадный пес продолжал придавливать несчастного пуделя. Действовать нужно было быстро, и я вынужден был сильно пнуть пса по голове. Он выпустил из пасти «лохматую рукавичку», которую хозяйка подхватила на руки. Раздался ее протестующий возглас. Пес начал кидаться на меня.

Я рефлекторно провел рукой по своему поясу, где у меня должен был быть травматический пистолет «Оса». Псу повезло — пистолета в кобуре не оказалось. На его счастье он остался у меня на компьютерном столе. Выстрел с такого расстояния мог бы оказаться последним в жизни агрессивного пса. Собака попробовала кинуться на меня еще раз, но, получив еще один точный пинок по морде, отступила. Я предупредил хозяйку, что при повторении подобного случая просто пристрелю наглеца, предварительно дав ему возможность укусить меня хотя бы один раз. На том и разошлись по домам. Данное обещание - пристрелить пса - засело у меня в подкорке мозга.

В интернете я навел справки о породе пса. Это оказалась фараонская собака. По характеристикам пес должен быть холерическим, неуправляемым, т.е. не поддающимся дрессировке. Так оно и было на самом деле.

Прошло два месяца. Двор после очередного циклона был непроезжим для многих машин и однажды водитель высадил меня вдали от дверей моего подъезда. В руках я нес большую посылку, недавно полученную на почте. Мне предстояло подняться по небольшой лестнице. И тут из ближайшего подъезда выскакивает мой старый знакомый пес. Вновь без намордника, так же на длинном поводке. Пес был возбужден и периодически вслаивал.

«Ну, вот и увиделись», — подумалось мне.

Сближение с собакой продолжалось на лестнице. Переложил в левую руку посылку, одновременно правой рукой я достал из кобуры “Осу”. Готовность к отражению нападения была полной. Про себя я уже подумал: «Сейчас дам себя укусить и пристрелю».

Мы приближались к лестнице с разных сторон — пес сверху, я — снизу.

Я начал подниматься, фиксируя поведение собаки. Именно оно стало меня удивлять. Пес стоял возле лестницы и, вопреки моим ожиданиям, вилял хвостом. Я был поражен, поняв, что он совершенно не намерен причинять мне какого-либо вреда.

Поднялся на лестницу и остановился, продолжая наблюдать за собакой. На его коричневой мордуленции блуждала искренняя собачья улыбка!!! На мгновение я впал в легкий ступор, приходило постепенное осознание всей нелепости и комичности моего поведения. Пес вилял хвостом, глаза продолжали излучать доброту и ласку. Пистолет в руке оказался совсем неуместным. Даже смешным.

Я повернулся боком и незаметно убрал пистолет в карман куртки, чтобы его не заметила хозяйка. Она стояла неподалеку и настороженно смотрела на меня. Вероятно хорошо запомнила мое обещание.

Тем временем пес продолжал меня удивлять — он подошел к моей левой ноге и прислонился к ней, хвост вилял еще сильнее, голубоватые глаза собаки продолжали излучать теплый свет.

Меня начал разбирать смех, я с трудом сдерживался, чтобы не расхохотаться. Давно не приходилось испытывать такого чувства иронии над самим собой. Поставив на землю коробку, я почесал за ухом у мирно настроенного фараона. Он закрыл глаза от удовольствия. Это меня добило окончательно. Всю комичность ситуации оттенял лежащий в кармане травматик. Ведь я настроился на большую войну, а весь пар ушел в свисток. Приступы смеха были подавлены, но в сознании до громадных размеров вырастала интересная мысль:

Прав был кто-то из великих, сказавший: «Чем больше узнаешь людей, тем сильнее любишь собак». И уже для себя добавил: «Как он красиво меня сделал!»

А пес тем временем продолжал вилять хвостом, словно говоря: «А ведь иногда мы, псы, оказываемся умнее вас, людей».

Как говорится в подобных случаях — крыть мне было нечем.

— Ну что, фараон, давай знакомиться. Как звать этого подхалима? — спросил я хозяйку.

— Ромка, — тихо ответила она. Присутствовавшее у нее внутреннее напряжение исчезло. Женщина даже улыбнулась.

— И все-таки, соседка, купите псу намордник, проблем меньше будет. Будет реже получать пинком по морде. Это ведь больно, — посоветовал я ей.

Мы с фараоном Ромкой обменялись порциями любезностей. Я почесал ему за ухом и попросился с уже не таким страшным и злобным псом. Он проводил меня взглядом своих синеватых глаз. В них по-прежнему жила ирония.

Продвигаясь по изувеченному циклоном двору с полуметровой колеей, я испытывал досаду на себя. Ведь подход к примирению удалось найти не мне, а Ромке.

С тех пор мы изредка видимся во дворе. Пес не кидается на меня, а у меня больше не возникает дурных мыслей доставать любимую игрушку по имени «ОСА». Пусть так будет и дальше.

Сергей МАЛАШКО

НАСТЯ ГАРУСОВА

Родилась в Хабаровске, детство и отрочество провела в Магаданской области, в поселке Мьяунджа. Писать стихи начала с восьми лет. Помимо стихов пробовала себя в прозе, писала рассказы. В последние полтора года успела побывать внештатным корреспондентом Колымского Тракта, печаталась еще в нескольких изданиях. Поступила в Северо-Восточный государственный университет на филологический факультет по направлению «Журналистика». На будущее большие планы, как и полагается 17-летней девушке: издать сборник стихотворений, попробовать себя в качестве теле-или радиоведущей и влюбиться...

Черная кошка по крыше
Гуляет сама по себе,
Ступая лапами неслышно
На безымянной высоте.

И ей не холодно, не страшно,
Бесцельно бродит под луной
По крыше скользко-влажной
Над панорамой городской.

Ей хорошо одной, без «пары»:
Никто не докучает ей.
Свои кошачьи забавы
Творить одной ей веселей.

Она гибка и грациозна —
Ее природа такова.
Выходит на прогулку поздно,
Чтобы не встретить «чужака».

Котов дворовых всех свела
С ума без толики усилий.
В ней нет добра и нету зла.
Ей хорошо быть нелюбимой.

Не надо об ноги тереться,
Мурлыкать лыстиво за еду.
Без ласки научилась греться,
Не доверяться никому.

Никто не выкинет за шкуру,
Ей не изменит, не предаст.
Она любую знает дырку
И каждой мышке фору даст.

И одиночество не гложет...
Но разве что порою в дождь...
В этом признаться слишком сложно,
И в этот миг ее не трожь...

Ей позавидовать лишь можно:
Она не хочет перемен...
Но буду верить, что возможно
Ей снится, как и мне, домашний плен...

Отвечает твоя сирень.
Ее лепестки опали,
Струится прохладой тень.
И в воздухе след печали...

Манят теплые листья
Твои холодные пальцы.
Болезни с ними не слиты,
Не стоит даже касаться...

Когда ответит сирень,
И листья ее опадут,
Ты будешь всего лишь тень,
Холодные пальцы умрут...

Оно, как небо, бескрайнее,
Глубокое, как океан,
Как секрет мироздания, тайное.
И зыбкое, как туман.

Оно, как бумага, тонкое.
И хрупкое, как хрусталь.
Как капля дождя, звонкое.
И временное, как печаль.

Оно, как ветер, свободное,
Как птица в небе, парящее.
Оно, как юность. Природное.
Мое чувство к тебе настоящее...